

П. Лавровъ.

СБОРНИКЪ

МАКЕДОНСКИХЪ ПЪСЕНЪ, СКАЗОКЪ И ОБЫЧАЕВЪ.

С. И. ВЕРКОВИЧА.

(Оттискъ изъ Сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лив., № 12.

1908.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюль 1908. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Олденбургъ*.

Сборникъ македонскихъ пѣсенъ, сказокъ и обычаевъ С. И. Верковича.

Въ библіотекѣ Академіи Наукъ хранится объемистый сборникъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ и отчасти народныхъ обычаевъ, записанныхъ въ южной Македоніи извѣстнымъ любителемъ и собирателемъ древностей и народной словесности С. И. Верковичемъ.

Поселившись въ Македоніи въ городѣ Сересѣ, Верковичъ съ успѣхомъ воспользовался пребываніемъ въ этомъ богатомъ памятниками старины и живымъ народнымъ творчествомъ славянскомъ краю.

Собранныя имъ древности и рукописи обогатили музеи и библіотеки и наши и западной Европы. Петербургу посчастливилось въ этомъ случаѣ въ особенности: многіе археологическіе предметы попали въ эрмитажъ, прекрасная и цѣнная коллекція юго-славянскихъ рукописей поступила въ Публичную библіотеку.

Что касается произведеній народной словесности, то настоящий сборникъ стоитъ въ связи съ извѣстной книгой Народне песме македонски бугара, напечатанной Верковичемъ въ 1860 г. въ Бѣлградѣ. Наибольшая часть изданныхъ въ ней пѣсенъ записаны отъ Дафины изъ села Просеникъ въблизи Сереса, отъ другихъ пѣвицъ записаны пѣсни въ округахъ Серескомъ Велескомъ, Дебърскомъ и одна пѣсня изъ Крушева.

Пѣвица Дафина, «женщина рѣдкаго остроумія и одаренная

удивительной памятью», которую Верковичъ называлъ «бугарском Омиркомъ», съ молодыхъ лѣтъ жила въ Сересѣ, гдѣ Верковичъ съ ней и познакомился. По ея рассказамъ она въ молодости такъ любила пѣсни и пѣнье, что, гдѣ только ни приходилось ей слышать о мужчинѣ или женщинѣ, знающихъ много пѣсенъ, она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока ей не скажутъ всѣ пѣсни; а память у ней была такая, что достаточно было разъ слушать ей пѣсню, и она ее помнила наизусть. Въ 16 лѣтъ ея извѣстность была такъ велика, что ее звали на время свадьбы во всѣ сосѣднія села, чтобы руководить хоромъ пѣвицъ, пока не кончится свадьба.

Отъ нея Верковичъ записалъ 270 пѣсенъ разнообразнаго содержанія, большею частію женскихъ, а отчасти и тѣхъ мужскихъ, которыя здѣсь зовутъ трапезарскими, и нѣсколько юнацкихъ. Эти послѣднія пѣсни Верковичъ не внесъ въ свой сборникъ, онъ помѣстилъ изъ нихъ только нѣсколько лучшихъ пѣсенъ, которыя и по содержанію, строго говоря, не принадлежатъ къ числу мужскихъ, но или мифологическія, или любовныя.

Въ книгу Верковича вошло 235 пѣсенъ этой пѣвицы.

О другихъ пѣвицахъ, которыя много уступали Дафинѣ, Верковичъ не говоритъ почти ничего. Замѣчено только, что велескія пѣсни всѣ записаны отъ одной пѣвицы; этихъ пѣсенъ всего только сорокъ. 12 пѣсенъ изъ Дибры записаны были въ Сересѣ отъ приходившаго сюда на работу уроженца Дибры. Эти пѣсни, какъ рассказывали собирателю, поются мужчинами во время отдыха отъ работъ, или на пути.

Для того времени интересна замѣтка о Дибрѣ. «О Дибрѣ многіе думаютъ, что тамъ живутъ только Арнауты, и это отъ того, что многія славянскія села приняли магометанскую вѣру, послѣдователи которой, не зная другого имени кромѣ вѣроисповѣднаго, называютъ себя по имени области, въ которой находится Дибарскій округъ, арнаутами; на самомъ же дѣлѣ большая часть народа въ этомъ округѣ принадлежитъ славянскому племени.

Эти слова характерны въ томъ отношеніи, что нужно было

напоминать о славянскомъ происхожденіи населенія отдѣльныхъ частей Македоніи. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ данномъ случаѣ въ литературѣ уже были данныя о языкѣ Дебръянь.

Въ Коло были помѣщены статьи Григоровича, который напечаталъ въ этомъ журналѣ записанныя имъ пѣсни. А въ Ковчежиѣ¹⁾ о томъ же предметѣ говорилъ В. Караджихъ. Въ статьѣ Срби сви и свуда, написанной въ 1836, читаемъ: Досто вѣрно извѣстно, что сербы теперь живутъ въ нынѣшней Сербіи между Дриной и Тимокомъ и между Дунаемъ и Старой планиной, въ Метохиіи (отъ Косова чрезъ Старую Планину, гдѣ столица Душана Призренъ, сербская патріархія Пеѣ и монастырь Дечани), въ Боснѣ, Герцеговинѣ, Зетѣ, Черногоріи, Банатѣ, Бачкой, Сремѣ, по правому берегу Дуная выше Осѣка до Сентъандрея въ Славоніи и Хорватіи (какъ турецкой, такъ и австрійской), въ Далматіи и по всему Адриатическому приморью отъ Триеста до Бояны. Оттого я выразился достовѣрно извѣстно, потому-что еще мы не знаемъ доподлинно, сколько сербовъ въ Албаніи и Македоніи. Я на Цетинѣ въ Черногоріи разговаривалъ съ двумя Дебръянами, которые мнѣ говорили, что тамъ у нихъ много сербскихъ селъ, въ которыхъ говорятъ по сербски такъ, какъ они говорили, т.-е. языкомъ представляющимъ нѣчто среднее между сербскимъ и болгарскимъ, но опять таки болѣе близкимъ къ сербскому, чѣмъ къ настоящему болгарскому²⁾.

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Вукъ Караджихъ признаетъ пробѣлъ въ своихъ трудахъ по собиранію данныхъ, касающихся сербской народности. Съ тѣхъ поръ какъ я началъ собирать сербскій этнографическій матеріалъ, хотѣлось мнѣ посѣтить юго-восточные края нашего народа, а также Боснію и Герцеговину, но и до сихъ поръ не удалось этого сдѣлать, и по всей вѣроятности я унесу съ собой на тотъ свѣтъ это желанье.

1) Ковчежиѣ за историју, јејик и обичаје срба сва три закона. У Бечу. 1849.

2) Разумѣется В. Караджихъ имѣетъ здѣсь въ виду восточно-болгарское нарѣчіе, литературный болгарскій языкъ.

Быть можетъ отъ Верковича, жившаго въ Македоніи, ускользнули эти заявленія, а возможно, что и независимо отъ этого было полезно напоминать о славянствѣ этихъ далекихъ отъ культурныхъ центровъ уголковъ славянства.

Сборникъ Верковича вмѣстѣ съ вышедшимъ въ томъ же году въ Загребѣ сборникомъ братьевъ Миладиновыхъ безусловно обогащалъ знакомство съ этнографіей и народнымъ творчествомъ тогда еще во всякомъ случаѣ мало извѣстныхъ мѣстностей Македоніи.

Но уже изъ того, что было выше сказано, можно было видѣть, что не весь собранный Верковичемъ матеріалъ вошелъ въ эту книгу.

Въ концѣ предисловія объ этомъ сказано: «кромѣ этого сборника женскихъ пѣсенъ я собралъ, какъ и выше было сказано, значительное число мужскихъ, трапезарскихъ и юнацкихъ пѣсенъ, которыя, если Богъ дастъ, издамъ въ свѣтъ въ другой книгѣ— тѣмъ болѣе, что надѣюсь ихъ умножить и привести въ порядокъ— и такимъ образомъ сообщу ихъ, а также и народные сказки македонскихъ славянъ, любителямъ славянской народной словесности».

Къ сожалѣнію такъ усиленно начатое дѣло вскорѣ получило у собирателя совершенно ложное направленіе. Предисловіе къ столь извѣстной «Веда словена български народни песни отъ предисторично и предхристиянско доба» объясняетъ намъ, какъ это случилось. Издатель этого сборника жалуется, что древности славянскаго племени такъ мало извѣстны. Не сохранилось у славянъ воспоминанія о томъ мѣстѣ, откуда они вышли, ни произведеній ихъ ума, ни дѣлъ ихъ рукъ отъ языческой эпохи. Оттого у иностранныхъ писателей и представителей современной цивилизаціи распространены предразсудокъ, что славяне не только не внесли ничего своего въ культуру человѣчества, но скорѣе ей вредили, время отъ времени истребляя опустошительными набѣгами съ большимъ трудомъ скопленные культурныя богатства народовъ, одаренныхъ выдающимися способностями и талантами.

Таковы были народы Индія, Финикіяне, предшественники грековъ и египтянъ. Страшные опустошители среднихъ вѣковъ, обратившіе въ прахъ и пепелъ всѣ завоеванія языческой культуры, каковы Гунны, Татары, Вандалы, Готы, рассматриваются подобными учеными за ближайшихъ друзей и непосредственныхъ родичей Славянъ. Думаютъ, что до крещенія Преславскаго владѣтельнаго дома у славянъ не было никакого понятія объ азбукѣ, никакихъ слѣдовъ письменности . . . У Верковича зарождалась мысль опровергнуть такой взглядъ на славянъ, и онъ сдѣлалъ это весьма оригинально. Вотъ, что онъ говоритъ по этому поводу далѣе: «Поселившись въ классической полной дорогахъ воспоминаній Македоніи ради обследованія и сохраненія памятниковъ старины во время своихъ частыхъ поѣздокъ, которыя я предпринималъ во всѣхъ направленіяхъ по балканскому полуострову, помимо собиранія предметовъ археологическихъ наблюдая типы, склонности, свойства и обычаи разныхъ племенъ, живущихъ теперь въ этой знаменитой древней области, отечествѣ классической образованности, къ величайшему удивленію я замѣтилъ большое различіе между тѣмъ, что я слышалъ въ школахъ о греческомъ племени, и тѣмъ, что я увидѣлъ на самомъ дѣлѣ своими глазами, а именно, что ему не достаетъ кое чего въ цивилизаторскомъ дарованіи, чего бы не должно быть, если бы была правда то, что говорится о немъ въ этомъ отношеніи.

Оставляя въ сторонѣ все другое, назову только музыку и поэзію, считающіяся краеугольнымъ камнемъ первобытной человѣческой культуры; склонности къ нимъ у современныхъ грековъ я не замѣтилъ, между тѣмъ какъ болгарскіе славяне отдаются имъ съ такимъ энтузіазмомъ и любовію, что едва ли ихъ можетъ въ этомъ отношеніи превзойти какое либо другое славянское племя.

Много разъ случалось мнѣ лѣтомъ проходить черезъ поля и луга грековъ, переполненные рабочими, и никогда, до моихъ ушей не достигало звуковъ какой нибудь пѣсни или веселаго говора, каждый разъ по обѣимъ сторонамъ пути владѣла такая

тишина, что, мнѣ казалось, здѣсь работаютъ не живыя существа, а какіе то автоматы.

Напротивъ, проходя среди краевъ, заселенныхъ славянами, я еще издали узнавалъ ихъ и не по чему либо другому, а единственно по звучному далеко по горамъ и доламъ разносящемуся эху ихъ пѣсенъ».

Эти наблюденія склоняли Верковича къ предположенію, что неосновательны заключенія о исключительныхъ цивилизаторскихъ дарахъ грековъ, что не только они не были единственными учителями и просвѣтителями человѣчества и въ частности народовъ Южной Европы, но что и славяне имѣли съ незапамятныхъ временъ свою собственную старую культуру.

Но недостаточно было выступить съ такимъ предположеніемъ, надо было его подкрѣпить фактами. А гдѣ ихъ искать?

Въ памятникахъ письменности было бы бесполезно: вся самобытная дохристіанская культура славянъ безпощадно истреблена съ обращеніемъ ихъ въ христіанство. И вотъ Верковича осянула мысль попытаться искать подтвержденія своей гипотезѣ въ народномъ преданіи живущихъ въ Македоніи славянъ. Духовная жизнь славянъ оставила наиболѣе важныя слѣды въ народномъ преданіи, въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, въ которыхъ съ наибольшею вѣрностію отразился ихъ характеръ и складъ мышленія.

Счастіе благопріятствовало Верковичу. Приступивъ къ собиранію пѣсенъ и сказокъ македонскихъ славянъ, онъ съ начала марта мѣсяца 1856 въ продолженіе четырехъ лѣтъ успѣлъ собрать около тысячи пѣсенъ и сказокъ, но къ сожалѣнію собранный матеріалъ не давалъ объясненія поставленной собирателемъ задачи: это были большею частію женскія любовныя лирическія пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя онъ напечаталъ въ 1860 г. въ Бѣлградѣ.

Не находя искомого, Верковичъ обратился къ пріятелямъ съ просьбой поискать, не найдутся ли историческія пѣсни о македонскихъ царяхъ Филиппѣ и Александрѣ, равнымъ образомъ и

о знаменитостяхъ древней Эракіи напр. о еракійскомъ пѣвцѣ Орфеѣ и другихъ лицахъ, извѣстныхъ въ мѣстной исторіи, и въ случаѣ, если что либо подобное найдется, доставить ему.

Весьма интересно чистосердечное признаніе собирателя, что многіе были удивлены такой затѣей. Ему говорили, какъ могла ему придти въ голову такая мысль, когда общеизвѣстно, что до времени Ираклія не было и слѣда славянъ на балканскомъ полуостровѣ, при такомъ условіи какъ же у нихъ можно искать пѣсенъ и преданій о такихъ лицахъ древней исторіи, которыя не только не были славяне, но даже болѣе того жили на столько вѣковъ ранѣе появленія славянъ въ этихъ странахъ.

Къ сожалѣнію соблазнъ былъ великъ, и Верковичу не пришлось долго ждать. Время отъ времени ему доставляемы были пѣсни и сказки, но всѣ онѣ были похожи на собранныя имъ ранѣе. Такъ прошло 10 лѣтъ. У него набралось множество пѣсепъ и сказокъ, но въ нихъ не было и слѣда воспоминаній о доисторическомъ и языческомъ прошломъ славянъ.

Верковичъ уже отчаявался получить подтвержденіе своей гипотезѣ, когда вдругъ познакомился съ однимъ македонцемъ, жившимъ въ окрестностяхъ Перинъ планины. Новый знакомый общалъ содѣйствовать, но и онъ замѣтилъ, что едва ли можно рассчитывать найти пѣсни объ Александрѣ и Орфеѣ.

Однако черезъ мѣсяцъ была получена тетрадка пѣсенъ, среди которыхъ «волею божіею была одна такая, которая предвѣщала подтвержденіе моихъ смѣлыхъ надеждъ». Это была небольшая пѣсенка объ Александрѣ великомъ.

Верковичъ былъ въ восхищеніи. Онъ благословлялъ божій промыслъ, избравшій его недостойнаго явить изъ тьмы забвенія столь важную тайну.

И такъ родопскіе славяне сохраняютъ живое преданіе даже и о времени Александра великаго. Онъ проситъ въ своихъ письмахъ не забыть и пѣсни объ Орфеѣ. И онъ получилъ варіантъ пѣсни объ Александрѣ, двѣ пѣсни объ Орфеѣ и пѣсню о переселеніи народовъ.

Пѣсню объ Орфеѣ № 15 Верковичъ послалъ на этнографическую московскую выставку для оцѣнки. Пѣсня эта была напечатана съ русскимъ переводомъ В. А. Дашковымъ. Послѣ выставки доставка пѣсенъ шла очень бойко: въ одинъ годъ было получено 56 пѣсенъ въ 17.000 стиховъ.

Обладая такимъ богатымъ матеріаломъ, котораго было достаточно болѣе, чѣмъ на одну книгу, Верковичъ обратился въ Бѣлградъ къ своему старому пріятелю Янку Шафарнку съ просьбой помочь появленію въ свѣтъ собраннаго имъ матеріала. Шафарикъ отнесся къ этой просьбѣ съ сочувствіемъ, находя собранныя пѣсни заслуживающими вниманія. Мы не будемъ останавливаться на краткихъ замѣткахъ Верковича, касающихся содержанія пѣсенъ. Опъ дѣлаетъ попытки объяснять имя Бѣлаго Дуная, бога Вишну, Юды, сурой Ламіи.

Не называя именъ, Верковичъ упоминалъ о скептическомъ отношеніи къ публикуемымъ пѣснямъ со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ.

Находя нужнымъ сообщить, гдѣ и отъ кого записаны пѣсни, онъ предупреждаетъ, что сначала его пріятели собиратели и переписчики не считали важнымъ отмѣтить мѣсто и имя пѣвца и только позднѣе исполнили его просьбу. Въ заключеніе сообщенія этихъ именъ онъ отмѣчаетъ, что всѣ пѣсни получены отъ племенъ помаковъ и морваковъ. Съ своей стороны Шафарикъ въ небольшомъ предисловіи къ первому тому Веда Словена относился съ довѣріемъ къ этимъ пѣснямъ, между которыми однѣ сохраняютъ отголоски глубокой доисторической старины, другія имѣютъ отношеніе къ древней исторіи Македоніи и наконецъ нѣкоторыя восходятъ къ эпохѣ болгарскаго царства. Важность этихъ пѣсенъ можно видѣть изъ содержанія такихъ, каковы напр. рожденіе бога Вишну; черный годъ; рожденіе Александра; Борись, царь болгарскій, оставляетъ вѣру предковъ. Чтобы облегчить пониманіе издаваемого сборника для европейскихъ ученыхъ, Шафарикъ предложилъ дословный французскій переводъ.

Въ 1881 г. въ Петербургѣ вышелъ второй томъ этого сбор-

ника, заключающій обрядовыя пѣсни. Изъ предисловія видно, что Верковичъ желалъ присоединить русскій переводъ пѣсенъ, но не могъ найти подготовленнаго переводчика, равнымъ образомъ не удалось ему отыскать болгарина для составленія предисловія на болгарскомъ языкѣ.

Хорошо извѣстна судьба этого сборника. Ученые встрѣтили его неодинаково. Одни придавали ему большое значеніе, вѣря въ его подлинность, другіе отнесли къ нему съ подозрѣніемъ, считая его фальсификаціей.

Самъ Верковичъ, дорожившій этимъ собраніемъ, какъ драгоценнымъ сокровищемъ славянской народной поэзіи, съ полнымъ самопожертвованіемъ отстаивалъ подлинность собранныхъ имъ пѣсень черезъ посредство ученыхъ, въ которыхъ онѣ не возбуждали подозрѣнія. И если между славянами—не будемъ говорить о иностранцахъ—находились защитники Веды Словенъ и между ними были не только Япко Шафарикъ, но и такіе извѣстные ученые, какъ напр. Гейтлеръ, Всеволодъ Миллеръ, то уже одного этого достаточно, чтобы извинить довѣрчивость самого собирателя.

Въ Болгаріи столь же понятно въ широкихъ сферахъ Веда Верковича была принята какъ произведеніе народного творчества, льстившее патріотическому чувству. А самая мѣстность, гдѣ были найдены пѣсни, отдаленные и таинственные Родопы, благопріятствовала довѣрчивому отношенію публики. Пенсія, назначенная Верковичу Народнымъ Собраніемъ, выкупала понесенныя имъ страданія въ дѣлѣ обнародованія Веды и защиты ея подлинности. А съ другой стороны желаніемъ убѣдиться въ томъ, при какихъ условіяхъ произошла эта мистификація, вызваны поѣздки на самое мѣсто экспертовъ изслѣдователей. Результаты этихъ поѣздокъ и еще болѣе доставшаяся въ руки Д. Шишманова переписка Верковича вполне разъяснила дѣло. Верковичъ, увлеченный теоріями о родствѣ славянъ съ народами древняго міра, сдѣлался жертвой увлеченія и, неповинный самъ въ подлогѣ, щедрой раздачей денегъ за пѣсни на извѣстныя темы объ извѣст-

ныхъ лицахъ вызвалъ фальсификацію одного учителя Гологанова, который и явился ему поставщикомъ пѣсенъ.

Погнавшись за несбыточной мечтой найти пѣсни, которыя бы пролили свѣтъ на отдаленное прошлое славянъ, Верковичъ забылъ и оставилъ въ сторонѣ такъ удачно начатыя имъ труды по собиранію подлинныхъ народныхъ пѣсенъ, которыми такъ богаты македонскіе края. Позднѣе, переселившись въ Болгарію часть собранныхъ имъ ранѣе пѣсенъ онъ доставилъ редакціи болгарскаго Сборника за народни и умотворенія, наука и книжнина, другая, судя по всему бѣльшая часть этнографическаго матеріала: пѣсни, сказки и народные обычаи, поступила въ бібліотеку Академіи наукъ. Въ болгарскомъ Сборникѣ напечатаны доставшіеся болгарамъ пѣсни. Приготовивъ къ изданію академическій Сборникъ, мы въ настоящей статьѣ остановимся пока лишь на отдѣлѣ народныхъ пѣсенъ, отлагая ознакомленіе съ остальнымъ матеріаломъ до выхода всего сборника въ цѣлости.

Отъ кого и гдѣ записаны пѣсни, это въ сборникѣ не отмѣчено, какъ слѣдуетъ. Мѣстами однако есть указанія. Въ самомъ началѣ пѣсенъ противъ перваго №-ра стоитъ: отъ Мину Лагад; вѣроятно это имя лица, отъ котораго записаны пѣсни. Возлѣ № 6: песме отъ г. Д. Шишко Висока. Здѣсь имя лица и мѣстности. Разумѣется извѣстное село Висока, о которомъ въ самомъ концѣ сборника помѣщена статья: Обычаи въ Висока и на други села отъ армасани до отьбратките. Передъ № 161 отмѣчено: отъ Никола майсторъ. Дальше никакихъ указаній не имѣется.

Но по языку можно заключить, что всѣ пѣсни записаны въ той мѣстности, гдѣ сохранились слѣды носового произношенія. Благодаря этому весь сборникъ представляетъ большой интересъ.

Значительное число пѣсенъ относится къ числу эпическихъ. Большинство ихъ принадлежитъ къ циклу кралевица Марка. Вполнѣ справедливо то мнѣніе, что этотъ циклъ господствуетъ въ западно-болгарскихъ краяхъ и особенно въ Македоніи. Сборникъ Верковича интересенъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о распро-

страненности пѣсенъ о Маркѣ на самомъ югѣ Македоніи въ мѣстахъ, близкихъ къ Солуню. Въ восточную Болгарію эти пѣсни проникали рѣже. Въ сборникѣ Венелина напр. всего только двѣ пѣсни воспѣваютъ Марка. Въ сборникѣ Каравелова точно также только три пѣсни о Маркѣ записаны въ придунайской Болгаріи.

Въ сборникѣ Миладиновыхъ едва-ли не всѣ пѣсни, касающіяся Марка, принадлежатъ Македоніи, насколько объ этомъ можно заключать по языку. Въ связи съ этимъ интересно, что размѣръ пѣсенъ, записанныхъ въ Македоніи и Западной Болгаріи, десятислоговой, общій съ сербскимъ размѣромъ. Восточно-болгарскіе варианты напротивъ записаны восьмислоговымъ размѣромъ.

Имѣя въ виду подраздѣленіе пѣсенъ изъ цикла Марка кралевича на опредѣленныя группы, какъ это сдѣлано у Халанскаго и Иорданова, предлагаемъ пересказъ пѣсенъ, занесенныхъ въ сборникъ Верковича.

1. Дѣтство Марка Кралевича.

Въ Сб. Мин. Нар. Просв. т. VI, стр. 133 есть рассказъ о томъ, какъ Марко получилъ силу, пососавъ молока изъ перекинутыхъ черезъ плечо грудей саломидвы.

У Верковича эта тема служитъ сюжетомъ пѣсни № 196.

Марко, еще малое, но неукротимое, удалое дитя пасъ сельскихъ коровъ и телятъ, былъ слабѣе всѣхъ другихъ дѣтей. Одинъ разъ, когда онъ вышелъ въ поле съ своимъ стадомъ, другія дѣти его побии. Марко ушелъ тогда въ зеленый лѣсъ, тамъ нашелъ двухъ маленькихъ ребятъ въ люлькѣ, Марко сѣлъ качать дѣтей. Тогда вышли юды-самовилы и спрашиваютъ Марка, зачѣмъ онъ пришелъ въ лѣсъ. Марко рассказываетъ, что ему стало жаль плакавшихъ дѣтей. Тогда старая юда-самовила вынула свои бѣлыя груди и предложила накормить молокомъ. Марко пососалъ. Самовила послала его поднять камень. Марко хотѣлъ, но не могъ. Самовила дала ему еще пососать отъ

своей груди. Марко пососалъ и послѣ того не только подиалъ, но и далеко бросилъ камень.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ навѣки юнакомъ. Когда послѣ того онъ вернулся къ телятамъ, дѣти вышли его побить. Но Марко схватилъ одного теленка и побилъ ихъ теленкомъ. И сталъ Марко извѣстнымъ по всей землѣ юнакомъ.

Въ презапческомъ разсказѣ Марко также сосетъ молоко въ два приѣма и его сила увеличивается. Онъ также бросаетъ камень. Но тамъ еще прибавлено, что и извѣстный Шарацъ сербскихъ пѣсень, Шарколия болгарскихъ, чудесный конь Марка Кралевича получаетъ свою силу, немного соснувъ отъ груди самовилы. На мѣстѣ плачущихъ дѣтей въ разсказѣ небольшая дѣвочка, которая нравится Марку, опъ ее цѣлуетъ и обнимаетъ, и она, дочь самодивы, дѣлается его посестримой. Цѣлые десять лѣтъ Марко ходилъ съ ней по берегу Дуная, и въ другихъ мѣстахъ, насыпалъ по полямъ холмики и игралъ съ ней.

2. Сватовство Марка.

Двѣ пѣсни касаются сватовства Марка за Елену изъ Будима. Мать не позволяетъ взять въ свадебную свиту удалыхъ племянниковъ Марка. На свадьбѣ является пужда показать удалство въ исполненіи задачи, которая даетъ право взять певѣсту. Марко въ затрудненіи. Печально бьютъ барабаны играютъ свирѣли. Ихъ звукъ слышитъ младшій племянникъ и, явившись на свадьбу, выручаетъ дядю. Другая пѣсня № 160 болѣе короткая и съ поздними эпическими чертами.

1. № 5. Краль Марко посватался къ Еленѣ изъ Будима града. Позвалъ три села кумовъ и другія три села сватовъ; закололъ девять телятъ, ѣдятъ, пьютъ, веселятся. Пришло время идти за певѣстой и они отправились въ Будимъ. Когда они подошли близко къ Будиму, вышли изъ города семьдесятъ юнаковъ, поставили рядомъ семьдесятъ тяжелыхъ палицъ и говорятъ Марку: кто юнакъ изъ юнаковъ перескочитъ черезъ нихъ, тому дадимъ

Елену изъ Будима. Не знаетъ, какъ быть король Марко. Между сватами нѣтъ такого удалца. Говорятъ тогда Марку, зачѣмъ онъ не позвалъ на свадьбу своихъ племянниковъ, которые пьяницы и ссорщики, но за то и удалцы. Горюетъ пристыженный Марко, жалуется, что мать не дала ему взять племянниковъ. Жалобно тогда забилъ барабанъ, заиграли свирѣли, словно плакали. Услыхали это три молодца, марковы племянники, и опечалился младшій изъ нихъ, говорилъ онъ милымъ братьямъ. Выйду я въ зеленый лѣсъ разгуляться, забыли насъ позвать на свадьбу дяди, печальные звуки барабана и свирѣлей навели его на мысль, что въ Будимѣ у дяди состязанье и нѣтъ у него богатыря удалца. Онъ поскакалъ въ Будимъ на помощь къ дядѣ, на пути встрѣтилъ чернаго монаха, спрашиваетъ его, что тутъ за ссора. Монахъ отвѣчаетъ не ссора, а свадьба. Проситъ у монаха его рясу, а самъ даетъ ему свою золотомъ шитую одежду; помѣнявшись одеждой, ушелъ къ дядѣ какъ черпый монахъ и говоритъ ему, отчего не позвали на свадьбу его племянниковъ. Марко объясняетъ, что мать это не позволила. Подобралъ тогда монахъ свою рясу и перескочилъ черезъ семьдесятъ палачъ. И говоритъ будимскимъ юнакамъ: привезите семьдесятъ телѣгъ, найдется ли у васъ, кто бы ихъ перескочилъ. Никто не могъ этого кромѣ него сдѣлать. Будимскіе юнаки предлагаютъ ему другое состязанье. Вывели девять дѣвушекъ, одѣтыхъ въ одноцвѣтныя платья. Говоритъ имъ монахъ: я брошу мелкій жемчугъ, всѣ наклонитесь его подбирать, не наклонийся только моя тетка. И когда она его послушалась, онъ схватилъ ее за рукавъ, привелъ къ Марку и говоритъ ему: вотъ тебѣ, дядя, Елена невѣста. Говоритъ ему Марко: будь благословенъ племянникъ, ты ее досталъ, да будетъ она твоя. Племянникъ отвѣчаетъ дядѣ: съ меня довольно моего юначества, возьми Елену свою невѣсту изъ Будима города.

2. Марко сватался къ Еленѣ изъ Будима. Мать Елены, заплетая на дворѣ ся косу, учила дочь, проходя мимо церкви, креститься, проходя мимо джаміи, поклониться по турецки. На-

сталъ день свадьбы. Созвалъ Марко 300 сватовъ, 300 кумовъ. Пошли за невѣстой въ городъ Будимъ, пришли въ домъ Елены, взяли ее и отправились въ путь. Когда проходили мимо турецкой джаміи, Елена поклонилась по турецки. Разгнѣвался на это Марко, вытащилъ изъ за пазухи острый ножъ и закололъ Елену въ сердце. Она умерла среди пути, тамъ вырыли ей могилу и опустили ее въ гробъ. На могилѣ Елены выросла желтая роза.

3. Уводъ жены Марка.

Въ отсутствіе Марка уводитъ его жену Гино латинянинъ. Марко видитъ сонъ, предвѣщающій это несчастье, ѣдетъ домой и застаётъ полное разоренье. Мать отправляетъ его на св. Гору. Марко надѣваетъ на себя монашескую рясу и въ ней ѣдетъ въ домъ Гина, пирующего пиръ. Пѣснь кончается тѣмъ, что Марко убиваетъ жену Гина и возвращается домой съ своимъ сыномъ.

№ 165. Мать краля Марка говоритъ сыну: порази тебя Богъ Марко, что ты ходишь не по добрымъ путямъ. А Марко пьетъ вино у Желѣзныхъ воротъ, подаетъ ему вино Гирга Маргарита. Успуль Марко у нея на колѣняхъ. Недолго спалъ, а много видѣлъ сновъ; и проснувшись, дивился. Маргарита, замѣтивъ это, спрашиваетъ, чему онъ удивляется. Марко рассказываетъ, что онъ видѣлъ во снѣ свой широкій дворъ весь въ туманѣ, покрытый мелкой росой. Маргарита объясняетъ, что темный туманъ — гнѣвъ матери, мелкая роса — слезы жены. Словно ужаленный змѣей, сѣлъ Марко на быстрого коня и поѣхалъ домой. Смотрить съ изумленьемъ: разграблены его палаты, ихъ разграбилъ Гино Латинянинъ. Поскакалъ за нимъ Марко и чуть было его не догналъ. Вернувшись, спрашиваетъ мать, что ему дѣлать. Мать ему говоритъ: иди, сынъ, на Святую Гору, одѣнься чернымъ монахомъ. Марко отправился и оставался монахомъ ровно три года, отпустилъ бороду до пояса. А Гино Латинянинъ въ праздникъ пасху въ его домѣ созываетъ пиръ,

празднуетъ праздникъ. Взялъ тогда Марко серебряный котелокъ и позолоченный крестъ, идетъ святить воду. Съѣлъ онъ верхомъ на коня и поѣхалъ въ домъ Гина. Постучался у воротъ, вышла жена Гина и спрашиваетъ, кто стучитъ. Марко отвѣчаетъ, что онъ монахъ, посланный со святой горы освятить у нихъ воду. Жена Гина отворила ворота и говоритъ ему: старый монахъ, не узнаю твою одежду, но узнаю коня, на которомъ ты сидишь верхомъ, это конь краля Марка. Марко отвѣчаетъ: да это конь краля Марка, подаренный имъ Святой Горѣ. Дала себя обмануть жена Гина, растворила всѣ ворота, и Марко вошелъ на дворъ Гина и сразу поднялся въ гостинную. Онъ вошелъ въ комнату; когда поставили столъ, начали пить ракію, всѣ поднялись на ноги. Предложили Марку освятить воду и благословить трапезу. Послѣ того обѣдали, а потомъ опять пили вино. Выпивъ вина достали острую дамасскую саблю Марка, чтобы испытать, кто можетъ ее вынуть изъ ноженъ. Первый взялся Гино, вынулъ ее на два пальца, а затѣмъ тащили ее всѣ по очереди, кто на полъ пальца, кто на одинъ палецъ, сынъ Марка вытащилъ ее на половицу. Гино Латинянинъ говоритъ: онъ будетъ, какъ краля Марко. А черный монахъ говоритъ: онъ на него будетъ похожъ, потому что его сынъ. Не былъ это черный монахъ, а самъ Марко. Предлагаютъ ему вытащить саблю. Марко взялъ и вытащилъ саблю изъ ноженъ и говоритъ, хотите ли, чтобы я пѣлъ вамъ пѣсню, или плясалъ танецъ. Ему отвѣчаютъ: какъ тебѣ угодно. И не началъ еще Марко плясать, Гино просить его не плясать, боится, что Марко испортитъ его домъ. Марко на это говоритъ: жаль тебѣ дому, не жаль своей головы. И отсѣкъ Гицу голову, гостей выгналъ, разрубилъ на куски его жену, плѣнилъ его богатство, взялъ его сына и вернулся къ себѣ домой.

Другая пѣсня того же сюжета № 36 отнесена къ Янкулу, у котораго увозить жену Стефанъ.

Сѣли три юнака въ Солунѣ въ главной Солунской корчмѣ ѣдятъ хлѣбъ, пьютъ вино, закусываютъ сладкимъ и бесѣдуютъ.

Это были юнакъ Стефанъ, краль Марко и Янкуль. Обращаясь къ побратимамъ, говоритъ Янкуль: милые побратимы, ѣмъ я хлѣбъ, а хожу голодный, пью вино, а трезвъ, есть у меня жена, а сплю безъ жены. Услыхалъ это Стефанъ, тайкомъ взялъ зажегъ кусокъ рогожи и всыпалъ пеплу въ вино и далъ Янкулу выпить. Янкуль опьянѣлъ и уснулъ. Тогда Стефанъ снялъ у него съ пальца серебряный перстень, сѣлъ верхомъ на его коня и поѣхалъ въ домъ Янкула. Вызываетъ его жену и говоритъ ей, что Янкуль заболѣлъ и послалъ его къ ней, чтобы взяла она все свое имущество и скорѣе ѣхала вмѣстѣ съ сыномъ. Жена Янкула исполнила наказъ мужа и сѣла на коня сзади, а Стефанъ прикрылъ ее какъ молодую невѣсту. Ъдутъ оня въ Солунь. Янкуль проснулся, протрезвился, видитъ, нѣтъ Стефана, сѣлъ на коня и поѣхалъ домой. На полпути встрѣтилъ Стефана съ своей женой, которая была закрыта, и онъ не могъ ее узнать. И говоритъ Стефану, пусть его невѣста сойдетъ съ коня и подѣлуетъ ему руку, а онъ подаритъ ей дорогой подарокъ. Стефанъ не соглашается, ссылаясь на запрещеніе отца и матери. Янкуль ударилъ коня и поѣхалъ домой. Приѣзжаетъ и видитъ его домъ отворенъ, нѣтъ ни жены, ни сына, ни имущества. Обѣщаетъ тогда Янкуль коню напоить его виномъ и накормить пшеницей, если они настигнутъ Стефана у Вардарскихъ воротъ, иначе онъ отрубитъ коню всѣ четыре ноги и броситъ его въ море. Когда подѣхали туда, Стефанъ успѣлъ уже проѣхать съ молодой женой Янкула. Янкуль исполнилъ надъ конемъ угрозу, а Стефанъ увелъ его жену къ себѣ въ домъ и възъ страха передъ Янкуломъ заперъ ворота. Пришелъ въ Солунь Янкуль и видитъ ворота заперты. Онъ вернулся, переодѣлся въ монашескую рясу, а подъ рясой спряталъ дамасскую саблю и отправился къ воротамъ Стефана. Вышелъ привратникъ и спрашиваетъ, кто тутъ. Янкуль говоритъ, что онъ старый монахъ и пришелъ на свадьбу Стефана. Его пустили. Онъ сейчасъ же поднялся въ залу и тамъ нашелъ всѣхъ побратимовъ Стефана, семь поповъ вѣнчаютъ Стефана съ его молодой женой. Вынулъ онъ было саблю, но всѣ были на

ногахъ, и онъ подождалъ, когда кончили вѣнчанье. Послѣ вѣнчанья невѣсту посадили на мѣсто (у кофють, обычно кжтъ), и всѣ сѣли по ряду, старый монахъ сѣлъ съ краю, а Янкулова сына посадили съ старымъ монахомъ. Начали ѣсть и пить, вынули Янкулову чашу, которая вмѣщала семьдесятъ литровъ вина, и обносили всѣхъ по порядку, никто не могъ ее выпить, дошла очередь до стараго монаха; налили ему, и онъ выпилъ ее до послѣдней капли. Также и сынъ Янкула. Говорить тогда жена Янкула изъ подъ красной вуали: и сынъ Янкула сталъ такимъ же пьяницей, какъ отецъ. Разгнѣвался тогда Янкулъ, снялъ съ себя монашескую рясу, бросилъ ее въ сторону, вынулъ дамаскскую саблю, размахнулся направо и налево и зарубилъ со Стефаномъ всѣхъ, кто былъ на его свадьбѣ, оставилъ въ живыхъ только невѣсту съ сыномъ. Тогда узнала его жена и съ плачемъ умоляла пощадить ее: она была обманута. Но Янкулъ схватилъ ее за косу и разрубилъ на мелкіе куски, взялъ сына и вернулся къ себѣ домой.

Невѣрность жены и постигающая ее за это кара есть и еще въ пѣснѣ № 26. Въ ней дѣйствующими лицами являются уже поздніе герои гайдуцкаго періода.

Ангелина, моя милая, одолѣлъ меня сонъ, не знаю къ добру, или къ худу. Запоемъ громкую, длинную пѣсню, быть можетъ я тогда разгуляюсь. Ангелина отвѣчаетъ: Иванъ, поповъ сынъ, нельзя здѣсь пѣть пѣсню, здѣсь ходитъ Русъ воевода съ тридцатью юнаками. Иванъ проситъ Ангелину запѣть пѣсню, пусть выходитъ Русъ воевода. Ангелина запѣла. Вышелъ Русъ воевода и его тридцать юнаковъ. Иванъ обращается къ Ангелинѣ: кого изъ этихъ юнаковъ ты любишь, напой того трехгодовалымъ виномъ, кого нѣтъ, холодной водой. Ангелина напояла виномъ Руса воеводу, водой Ивана. Иванъ разгнѣвался, вынулъ саблю, зарубилъ Руса воеводу и его дружицу. Расправившись съ ними, вернулся къ Ангелинѣ, схватилъ ее за русую косу и разрубилъ на мелкіе куски.

4. Сынъ Марка замѣняетъ уродливаго жениха.

Заслуживаетъ вниманія пѣсня № 176, являющаяся варіантомъ къ № 84 изъ сборника братьевъ Миладиновыхъ, который стоитъ одиноко, какъ можно видѣть изъ кнѣжки Халанскаго III, стр. 656. Въ пѣснѣ Верковича нѣтъ пріуроченія свадьбы къ латинской землѣ. Пѣсня начинается обращеніемъ къ Марку: Эй ты Марко, краль Марко, слышалъ ты, или нѣтъ. Играютъ свадьбу съ не-милымъ женихомъ, просятъ у Марка сына замѣнить жениха. Обѣщаютъ въ его пользу отдать всѣ свадебные дары, но невѣста достанется настоящему жениху, который очень безобразенъ. Нижняя губа доходитъ до десенъ коренныхъ зубовъ, верхняя приподнята до самыхъ глазъ. Не пойдетъ за такого жениха невѣста. Марко согласился отпустить своего сына, подковалъ ему коня, подковами изъ чистыхъ карагрошей съ гвоздями изъ чистаго золота. Сѣлъ верхомъ на коня сынъ Марка, поѣхалъ на свадьбу. Двинулись въ путь всѣ сваты, впереди ѣдетъ сынъ Марка. Когда пріѣхали въ домъ невѣсты, онъ поднялся въ залу, ему подарили драгоцѣнные дары. Взяли невѣсту и поѣхали назадъ.

Начиная отсюда наша пѣсня расходится съ помѣщенной у Миладинова. Невѣста не принимаетъ участія въ нарушеніи уговора и сынъ Марка увозитъ ее къ себѣ. Сваты были недовольны, что всѣ свадебные подарки достались Маркову сыну. Стали они ему предлагать отдать подарки настоящему жениху. Сынъ Марка напоминаетъ имъ, какой былъ уговоръ. Сваты не соглашались на это. Тогда сынъ Марка разсердился и погналъ своего коня. Развернулась вуаль невѣсты, она смотритъ и говоритъ: счастье матери, которая родила такого сына, сестрѣ, которая ухаживала за такимъ братомъ, и мнѣ, что я нашла такого жениха. Сваты объясняютъ невѣстѣ, что это не ея женихъ, а замѣститель жениха. Посмотри между сватами, кто самый безобразный, онъ твой женихъ. Разсердился сынъ Марка, вынулъ саблю, перебилъ

всѣхъ сватовъ, взявъ себѣ неvěсту и привезъ ее къ отцу. Марко позвалъ поповъ, они повѣнчали его сына.

5. Марко и Муса.

№ 199 это прекрасная пѣсня о томъ, какъ Марко убиваетъ Мусу, залегшаго дороги и не дающаго никому проѣзду. Отъ варіантовъ, указанныхъ Иордановымъ, есть отличія. Въ началѣ характерное описаніе темницы, въ которой заключенъ Марко. Когда Марка выпускаютъ на свободу съ тѣмъ, чтобы онъ отправился противъ Мусы, интересная подробность касается его коня, которымъ овладѣли евреи и пользуются имъ для перевозки тяжестей. Встрѣча Марка съ Мусой обставлена гораздо занимательнѣе, чѣмъ напр. въ VIII томѣ сборника. Когда во время поединка Марко призываетъ Цвету самовилу, то бытовой интересъ представляетъ упрекъ вилы, что не слѣдовало вступать въ борьбу въ воскресенье. Марко находитъ у Мусы семь сердець вмѣсто девяти. № 199. Краля-пашу Марка заключили въ Солунѣ въ темную темницу въ башнѣ. Въ темницѣ вода по колѣна, была тамъ черная ящерица, которая губила всякаго, кто въ нее ходилъ. И вышла черная ящерица, чтобы пожрать и Марка. Когда она открыла свою широкую пасть, желая проглотить Марка цѣликомъ, онъ всунулъ ей въ пасть юнацкое колѣно и разорвалъ ее. Пошелъ смрадъ отъ ящерицы, не могъ терпѣть зловонія Марко. И пришла одна старуха. Марко просить ее принести немного соли, чтобы посолить ящерицу и остановить запахъ. Она принесла ему соли, Марко посолилъ и просидѣлъ въ темницѣ ровно три года. А его побратимъ Муса затворилъ всѣ пути, которые вели отъ святой земли, всѣхъ кто ни проходилъ, убивалъ. Всѣ паши и визири совѣщаются между собой, какъ бы отъ него избавиться. Говорятъ имъ царь: пошлемъ пашу Марка, другому никому не справиться съ Мусой. И паши вошли въ темницу, обѣщаютъ вывести Марка, если онъ возьмется погубить Мусу. Марко проситъ три дня сроку, чтобы пить выдержаннаго три года вина и

найти своего быстрого коня, котораго онъ не видалъ три года. Выпустили Марка, привели его во дворецъ. Марко просить поднять его на башню, кликнуть коня. Вышелъ Марко и во весь голосъ крикнулъ, заржалъ въ отвѣтъ ему быстрый конь. Услышалъ Марко и узналъ голосъ коня, вышелъ къ воротамъ и видитъ: на его конѣ жида возять глину. Схватилъ его Марко и не можетъ узнать своего коня, жида всего его изранили. Конь заржалъ и говорить Марку: или ты захотѣлъ посмотрѣть меня въ жидовскихъ рукахъ, какъ ношу я глину въ двухъ корзинахъ? Сбросилъ тогда Марко съ него корзины, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ во дворецъ. Пили тамъ вино три дня и три ночи. Опоясалъ Марко дамасскую саблю, сѣлъ на коня и ѣдетъ прямо на широкое поле, гдѣ проходятъ путники во святую землю. Тамъ нашелъ Мусу, но не могли узнать другъ друга. Марко спрашиваетъ, гдѣ Муса. А этотъ отвѣчаетъ: Муса ѣздитъ въ зеленомъ лѣсу. Марко повернулъ коня. Тогда Муса сталъ раскаиваться, что обманулъ Марка. Онъ поѣхалъ въ лѣсъ и, выѣхавъ къ Марку, спрашиваетъ, зачѣмъ ищешь ты Мусу? Марко говоритъ, что хочетъ съ нимъ биться. Муса объясняетъ, что онъ не даетъ проѣзду на дорогахъ изъ любви къ Марку, котораго заключили въ темницу. Марко напоминаетъ, что нельзя нарушать царское повелѣніе. Тогда Муса объявляетъ, что онъ и есть, кого ищетъ Марко, и предлагаетъ бороться. Они боролись три дня и три ночи, Марко всадилъ Мусу въ землю по колѣна. Муса поднялся и вогналъ Марка по самый поясъ. Марко зоветъ себѣ на помощь Цвету юду самовилу. Услыхала его старая юда самовила и говоритъ ему: а кого я учила не вступать въ борьбу въ воскресенье, поищи поскорѣе у себя за пазухой потайной ножъ. Нашелъ Марко ножъ и закололъ Мусу въ то мѣсто, гдѣ у него бились семь сердець, и распоролъ ему внутренности. Смотрить пять сердець у него были въ покобъ, бились только два сердца. Взялъ Марко русую голову Мусы и привезъ въ Солунь. Такъ освободился Марко отъ заключенія въ темницѣ.

6. *Марко и Филиппъ Мадьяринъ.*

Филиппъ Мадьяринъ похвалился въ постелѣ своей женѣ и говоритъ ей: милая жена, я погубилъ семьдесятъ душъ, еще остается мнѣ погубить троихъ: краля Марка, Новака и Секулу.

Услыхалъ его краля Марко, ѣстъ онъ чеснокъ съ солью и смѣется себѣ въ усь. Мать спрашиваетъ его, надъ чѣмъ онъ смѣется, надъ ее ли старостью, или надъ неудачнымъ обѣдомъ. Марко объясняетъ, что онъ смѣется на похвальбу Филиппа Мадьярина, и спрашиваетъ, ждать ли ему Филиппа у себя дома, или идти въ его домъ. Мать совѣтуетъ лучше отправляться, чѣмъ оставаться дома. Марко тогда осѣдлалъ коня, взялъ съ собой чашу въ семьдесятъ окъ и свою тяжелую палицу и поѣхалъ къ холодной водѣ. Нашелъ тамъ семьдесятъ рабынь мыли шерсть. Спрашиваетъ Марко, гдѣ домъ Филиппа. Онѣ ему отвѣчаютъ: тамъ вверху, чтобы ему запускать. Тамъ стоитъ высокое дерево, въ деревѣ семьдесятъ человѣческихъ головъ. Марко спрашиваетъ, въ чемъ заключается юначество Филиппа. Онѣ ему отвѣчаютъ, что онъ на тощакъ поднимаетъ вотъ эту плиту до колѣнъ. Марко взялъ и бросилъ ее такъ далеко, что ея не было видно. Заплакали рабыни. Марко обѣщаетъ ихъ освободить отъ рабства черезъ три часа, и пошелъ къ воротамъ Филиппа. Крикнулъ разъ, три раза постучался. Вышла молодая жена Филиппа; совѣтуетъ Марку бѣжать, если ему дорога на плечахъ русая голова. Разгнѣвался Марко, ударилъ въ ворота правой ногой и выворотилъ ихъ на середину двора, а молодую жену Филиппа разъ ударилъ и чуть не убилъ ее до смерти. Уходя, говоритъ: я буду въ корчмѣ, когда придетъ Филиппъ, тамъ меня найдетъ. Сѣлъ пить вино, выдержанное три года, держать въ правой рукѣ ведерную чашу. И когда пришелъ Филиппъ и издали еще съ бранью къ нему обратился, Марко бросилъ въ него чашу съ виномъ, ударилъ ему между двухъ глазъ, глаза Филиппа выпали на землю, и самъ онъ испустилъ духъ. А Марко сѣлъ на коня, поѣхалъ въ домъ Филиппа, взялъ

все его богатство, освободилъ семьдесятъ рабынь и вернулся къ матери юнакомъ.

7. Марко и дѣте Дукатинче.

№ 85 представляетъ интересный варіантъ къ пѣснямъ о борьбѣ Марка съ дѣте Дукатинче. Изъ пѣсенъ на эту тему № 85 болѣе подходитъ къ записи, напечатанной въ XIII томѣ Сборника стр. 85. Въ этой пѣснѣ Марко спрашиваетъ, есть ли юнакъ, который бы его превосходилъ, вечернюю звѣзду, въ сборникѣ Верковича — утреннюю. Вмѣсто женщинъ, бѣлящихъ полотно, въ нашей пѣснѣ малыя дѣти, пасущія коровъ на лугу Дугана града. Марко застаётъ дитя не на колѣняхъ матери, а на софѣ, читающимъ книгу и пьющимъ ракію. Дитя предлагаетъ ему пить и ѣсть, Марко отказывается. Ёдутъ состязаться. Сначала бросаютъ камень. Послѣ того ёдутъ въ церковь св. Софію, какъ и въ XIII томѣ сборника: воѣ златни черкови.

№ 85. Съѣлъ Марко ужинать соли съ перцемъ и краснымъ виномъ. Засвѣтилась на его широкихъ плечахъ утренняя звѣзда. Говорить ей Марко: есть ли, звѣзда, юнакъ большій, чѣмъ я. Она ему отвѣчаетъ: онѣмѣтъ бы тебѣ Марко и ослѣпнуть, молчи лучше. Есть дитя Дукатинче, семилѣтокъ, въ семь разъ большій, чѣмъ ты, юнакъ. Разгнѣвался Марко, вскочилъ на юнацкія ноги, осѣдлалъ коня, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ лугамъ города Дугана. Засталъ тамъ малыхъ дѣтей, пасли коровъ. Говорить имъ Марко. Помогай вамъ богъ, малыя дѣти, а они ему въ отвѣтъ: дай Богъ тебѣ всего хорошаго, незнаемый памъ воинъ. Марко спрашиваетъ, гдѣ живётъ дитя Дукатинче. Они ему рассказываютъ. Какъ пойдешь ты на верхъ, пройдешь черезъ городъ Дуганъ, черезъ рынокъ посреди города, тамъ найдешь золотую софу. На ней сидитъ дитя Дукатинче, читаетъ книгу, пьетъ лютую ракію. Марко идетъ, приходитъ на указанное мѣсто. Обмѣниваются привѣтствіями. Дитя Дукатинче приглашаетъ сѣсть и выпить вмѣстѣ. Марко отазывается, онъ не пить, не ѣсть пришелъ, — есть у него трехгодовая водка, семилѣтнее желтое вино — а по-

мѣряться силами. Дитя Дукатинче просить сходить домой проститься съ старымъ отцомъ, съ братомъ и сестрой, родными и двоюродными, и всеми другими родными. Простился, пошелъ въ конюшню, осѣдлалъ быстрого коня. И поѣхали вмѣстѣ съ Маркомъ верхами. Марко впередъ, за нимъ дитя Дукатинче, мостовыя взрываютъ копытами, перепрыгиваютъ стѣны. Выѣхали на луга, нашли тамъ холодный камень. Состязаются въ метаніи камня. Марко бросилъ камень на разстояніе, какое занимаетъ конакъ. Дитя Дукатинче бросилъ его черезъ двѣ планины, три долины, искали камень три дня и три ночи, не могли найти. Разгнѣвался Марко и говоритъ: ей ты, дитя Дукатинче, пойдемъ въ прекрасную церковь св. Софію и тамъ побратаемся во имя св. Ивана. Согласился дитя Дукатинче. Поѣхали ко святой Софіи.

Когда были на полпути, Марко говоритъ. Иди впередъ, дитя Дукатинче, я здѣсь человѣкъ чужой, да и конь у меня неукротимый. Далъ себя обмануть дитя Дукатинче. Ударилъ быстрого коня, поѣхалъ впередъ, а Марко за нимъ. И вынулъ Марко дамасскую саблю и ударилъ его по головѣ, разсѣкъ его на двое, а дитя Дукатинче и не почувствовалъ. Говоритъ: незнаемый мнѣ воинъ, не знаю къ добру или не къ добру, захотѣлось мнѣ ѣсть. А Марко ему говоритъ: должно быть захотѣлось тебѣ ракин, ударъ коня, разгони его. Дитя Дукатинче ударилъ его, разогналъ и тогда распался на двое, одной половиной на право, другой на лѣво.

8. Марко освобождаетъ три ряда рабовъ и рабынь.

Пѣсня много уступаетъ варианту, помѣщенному въ сборникѣ XI, 25, который разбираетъ Юрдановъ. Никакого приуроченія къ мѣстности въ ней нѣтъ.

№ 177. Ёдетъ краль Марко въ день пасхи въ прекрасную церковь, большой съ позлащенными главами монастырь. Его жена Елена осѣдлала ему быстрого коня, кладетъ ему потайное оружье и говоритъ коню. Если случится мелкая ссора, не говори Марку, гдѣ оружье, если дѣло дойдетъ до большой битвы, тогда

скажи. Вышелъ Марко, сѣлъ на коня, поѣхалъ въ монастырь. На подорогѣ посмотрѣлъ онъ вверхъ и внизъ. Увидалъ чернаго арапа, связалъ арапъ 70 душъ женщинъ и мужчинъ и молодыхъ невѣстъ, ведетъ ихъ въ рабство, всѣ они съ мелкими цѣнями на шеѣ. Увидалъ ихъ Марко и испугался; не было съ нимъ сабли и палпы, повернулъ было онъ домой за острой саблей. А конь тутъ и говоритъ: краля Марко не бойся, не возвращайся домой, а понцы у меня съ правой стороны, найдешь потайное оружье, что положила тебѣ жена. И нашелъ Марко на правой сторонѣ острую саблю, на лѣвой тяжелую палыцу. Вернулся къ черному арапу и говоритъ ему: черный арапъ, куда ведешь ты этихъ рабынь? Арапъ ему на это: иди прочь отсюда, желтый гяуръ. Разсердился тогда Марко, вынулъ острую саблю и отсѣкъ арапу черную голову, освободилъ 70 рабынь. Пошли вмѣстѣ въ златоглавый монастырь. Какъ пришли Марко, поднялся прямо въ покой владыки и говоритъ ему: святой владыка, до моего прихода кончилась служба, я остался безъ причастья. Причасти меня, владыка, я убилъ сегодня чернаго арапа и спасъ 70 рабынь. Владыка велѣлъ звонить въ колокола, снова пачали ради краля Марка служить обѣдню причастили его и 70 рабынь вмѣстѣ съ нимъ. И когда онѣ вышли изъ церкви, краля Марко подарилъ каждой по золотому, разошлись онѣ по домамъ.

9. Марко и арапъ.

Пѣсня № 164 относится къ числу тѣхъ, въ которыхъ султанъ посылаетъ схватить Марка¹⁾. Пересѣдѣвшійся афонскимъ монахомъ арапъ вызывается это сдѣлать. Обманомъ ему это удастся, онъ уведетъ Марка. На пути Марко призываетъ 70 юнаковъ. Изъ нихъ Секула спасаетъ Марка. Наиболѣе близкій варіантъ будетъ № 143 Миладинова.

Марко строить монастырь вблизи отъ широкаго Скопля.

1) Халанскій III, стр. 484—493.

Султанъ Сулиманъ черезъ глашатая въ городѣ Солунѣ вызываетъ охотника пойти къ Скоплю схватить пашу Марка. Вызовъ принимаетъ черный арапъ. Онъ проситъ нарядить его въ монашескія одежды. Одѣвшись монахомъ, садится на быстрого коня и ѣдетъ въ Скопле. Явившись къ Марку, поздравляетъ его съ постройкой монастыря и, выдавая себя за посланца Святой горы, предлагаетъ устроить святой колодецъ. Марко отказывается принять это предложеніе. Тогда монахъ предлагаетъ Марку поцѣловать крестъ. Марко наклонился поцѣловать крестъ, и арапъ накинулъ ему на шею цѣпь, сѣлъ на коня и поѣхалъ, а за нимъ бѣжитъ Марко, перескакивая глубокіе овраги. На пути крикнулъ Марко во весь голосъ, его услышали бывшіе въ зеленомъ лѣсу 70 юнаковъ. Это были дитя Секула, воевода Янкулъ, гайдукъ Груйо, дитя Дукатипче, банъ Янкулъ, Милошъ Кобиличъ, юнакъ Стефанъ. Всѣ они пили вино, когда услышали голосъ Марка. Тотчасъ же пустились по широкому полю. Увидавъ чернаго арапа и Марка, вышли они передъ арапомъ, какъ лютые змѣи, и говорятъ: подожди черпый арапъ, подожди, не чудо поймать обманомъ, а вотъ поймай на полѣ (въ поединкѣ). Арапъ въ отвѣтъ на это бросилъ тяжелую палицу, Секула поймалъ ее лѣвой рукой и говоритъ арапу: подожди, бросить и Секула свою небольшую палицу. И онъ ударилъ арапа въ глаза: пали его черные очи на землю. Такъ спасли краля Марка. Говоритъ тогда Марко: братья мои семь юнаковъ, дайте мнѣ острую дамасскую саблю, ему дали, и онъ отсѣкъ арапу черпую голову. Взяли ее семь юнаковъ и поѣхали въ Солунъ. Идутъ прямо къ Сулиману и говорятъ: что за подвигъ обманомъ схватить юнака при помощи переодѣтаго монахомъ арапа, вотъ его черная голова. Сулиманъ испуганъ и проситъ прощенья, оставляетъ юнаковъ дѣлать, что они дѣлали раньше.

10. Марко и Турки.

Пѣсня № 178 изображаетъ борьбу Марка, Секулы и Дукатипча съ раздѣленной на три стана турецкой силой. Марку

достается биться съ арапами и съ однимъ изъ нихъ онъ могъ справиться только при помощи своихъ товарищей.

№ 178. Пьютъ вино три юнака, вино пьютъ трех годовалое въ зеленомъ лѣсу на высокой планинѣ. Тамъ они пили три мѣсяца. Это были Краль Марко, Секула и дитя Дукатинче. Марко упрекаетъ своихъ побратимовъ за то, что они, какъ свиньи, пьютъ вино три мѣсяца, зоветъ подняться на планину и посмотрѣть на широкое поле, высохло оно ли позеленѣло. Поднялись, и что же видятъ, какое чудо, поле не высохло и не позеленѣло, а наполнено тремя станами сильнаго войска. Въ одномъ черные арапы, въ другомъ молодые янычары, въ третьемъ «каргелии» (= кирджали)¹⁾. Тогда три юнака подѣлили между собой три стапа. И достались молодые янычары Дукатинчу, кирджали Секулѣ, а Марку черные арапы. Пошли они на широкое поле. Марко вынулъ дамасскую острую саблю и тяжелую палицу и напалъ на черныхъ араповъ, всѣхъ перебилъ, остался только одинъ, не беретъ его ни сабля, ни палица. Секула врѣзался въ среду кирджалиевъ, въ одинъ часъ не осталось въ живыхъ ни одного. Дитя Дукатинче расправился съ молодыми янычарами. Марко зоветъ товарищей къ себѣ на помощь въ борьбѣ съ арапомъ, котораго не рубить сабля, не бьетъ палица: ударишь саблей, изъ устъ его выходитъ пламя. Подошли побратимы на помощь къ Марку, зарыли живымъ арапа, и всѣ трое вернулись въ зеленый лѣсъ.

Въ пѣснѣ № 136 въ битвѣ съ турками принимаетъ участіе сынъ Марка. Поздняя черта сказывается въ томъ, что онъ бьется съ потурченцемъ, и при томъ этотъ потурченецъ оказывается его сестрой.

Собрались два войска турки и гяуры, словно муравьи, вступили въ борьбу, боролись три дня и три ночи. И вотъ выѣхалъ

1) Срв. повѣсть Пушкина; въ болгар. словарѣ: кѣрджалия, такъ назывались турецкіе разбойники конца XVIII в., составлявшіе какъ бы независимое иррегулярное войско.

со стороны турокъ удалой молодой турокъ потурченецъ на буйномъ конѣ, говоритъ тогда сынъ Марка кралевица: дай мнѣ, отецъ, твоего быстрого коня, и дай мнѣ твою тяжелую палицу, я выйду биться съ туркомъ. Боролись три дня и три ночи: не можетъ одолѣть одинъ другого; съѣхались они на своихъ коняхъ, и кони сблизились головами; упала тогда у потурченца съ головы соболя шапка, и узнали тогда борцы, что они были братья съ сестрой, и тогда они поцѣловались и прекратили бой.

Пѣсня № 195, судя по всему, является отголоскомъ Косовской эпопеи. Косовское поле въ ней искажено въ Коскино поле. Начало этой пѣсни напоминаетъ распространенную въ болгарскихъ сборникахъ пѣсню, въ которой пораженіе христіанъ въ борьбѣ съ турками объясняется наказаніемъ божіимъ за нарушеніе благочестія. Вторая же половина пѣсни, въ которой героемъ является Милошъ, отсѣкающій султану голову, явно напоминаетъ соответствующую косовскую пѣсню. И наконецъ послѣдній эпизодъ, въ которомъ одна старуха помогаетъ туркамъ совладать съ Милошемъ, имѣетъ сходство съ такимъ же эпизодомъ въ помѣщенной П. Славейковымъ въ I томѣ Сборника за нар. умотв. и т. д. стр. 51—53 пѣснѣ Гъркиня Кралица. Въ ней старая баба даетъ такой же совѣтъ, какъ погубить Шишмановича Яне. И начало этой пѣсни близко къ № 195.

Собралось сильное войско на ровномъ полѣ Коскиномъ, сошлись тамъ три юнака. Одинъ былъ краль Марко, другой Секула, третій Милошъ Кобылица. Всѣ были одѣты въ панцырь. Говорятъ между собою. Вошли трое въ церковь, поклонились св. Ильѣ и снова вышли. Секула просить заступничества св. Ильи, но Марко объясняетъ, что святой больше имъ не помогаетъ: Богъ теперь помогаетъ туркамъ. Секула просить показать ему святого. Марко говоритъ ему на это: вонъ св. Илья идетъ впереди съ зеленымъ знаменемъ въ рукахъ. Секула обращается къ святому съ словами: зачѣмъ ты далъ туркамъ землю? Святой отвѣчаетъ: Богъ отдалъ туркамъ землю за ваше безпутство, входите въ церковь на конѣ, причастіе берете съ са-

блей. Секула вызываетъ святого на поединокъ; святой въ негодованьи, поднявъ руки, перекрестилъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, и сказалъ: Секула въ этомъ только и есть твое юначество. И Секула тотчасъ же испустилъ духъ. Тогда Милошъ говоритъ Марку: паша Марко, я пойду, отсѣку царю голову, и вѣхалъ онъ верхомъ на конѣ въ самую средину войска, посѣкъ людей безъ счету, дошелъ до самого царя, отсѣкъ ему голову и вернулся назадъ. А Марко его спрашиваетъ: положилъ ли ты его голову сзади? Милошъ отвѣчаетъ: я забылъ, вернусь за этимъ. Марко на это говоритъ: не возвращайся, Богъ не помогаетъ намъ больше, чтобы не погубили тебя турки. Но Милошъ не послушалъ Марка и вернулся. Тамъ была одна старуха, она была колдунья. И говоритъ свирѣпымъ туркамъ: вынимайте свои острые сабли и кладите ихъ остриемъ вверхъ; наѣдетъ Милошъ, его конь ступитъ на острия и посѣчетъ себѣ ноги. Турки это сдѣлали, и конь Милоша, наѣхавъ на сабли, упалъ. Турки схватили Милоша и долго съ нимъ бились, пока не сняли съ него панцырь, но, снявъ, не могли его растегнуть. Старуха опять говоритъ имъ: поищите съ правой стороны панцыря у него ключи. Говоритъ туркамъ Милошъ: скажите мнѣ, кто открылъ вамъ секретъ, какъ меня схватить. Турки указали на старуху. А Милошъ позвалъ ее къ себѣ: иди, я скажу тебѣ словечко. И какъ только къ нему приблизилась, онъ ударилъ ее и убилъ. И сказалъ тогда Милошъ: иди теперь, ни отъ тебя не останется колдуна, ни отъ меня юначества. И онъ отдался въ руки туркамъ, и отрубили они ему юнацкую голову.

Интересной чертой, наблюдаемой въ пѣсняхъ сборника Верковича, является упоминаніе сербскаго этнографическаго имени. Такъ въ № 6 юнакъ «Грую ловъ лови низъ *сирбинску* рамно полѣ», на сцену выступаетъ «*сирбинска* свадба», въ числѣ сватовъ называются: «пять стотини бугаря, хиляда влахун и триста души *сирби*», далѣе «*сарбинъ* или *сирбинъ* юнакъ, *сирбинско* дете, *сирбянска* невеста». Въ № 8 «*Сарбинъ* краль» созываетъ пиръ. Въ № 18 Янкулъ и его конь говорятъ между собою по сербски:

сирпско. Въ № 23 героями пѣсни являются «*сирбски* юнаци, *сирбинско* юначе» отправляется за невѣстой въ Мадьярскую землю и, похитивъ невѣсту, ѣдетъ въ сербскую землю: «на *сирбската* земля». Въ № 27 видить сонъ «*Сирбина* дѣвойка». Въ № 68 царь Константинъ призывалъ къ себѣ на пиръ: дуръ от *Сарбіа* *Сарбинска* краля Марка. Милая дочь Янкула прославилась по всей землѣ Румелійской до самой Сербіи № 192, къ ней сватается «*сарбинску* делийче дуръ отъ *Сарбіа*». Въ № 193 слава о дочери одной неумной турчанки достигла дурѣ на *Сарбіа*, сватается къ ней «*сарбинско* делийче», посылаетъ сватами «до два *сарбински* деліе», рядомъ съ «триста дпбели булгари» въ свадебномъ поѣздѣ участвуютъ до «триста души *сарби* и до триста *боинаци*, *сарбинско* делийче викпалъ една пясна *сирпску* пия». Эти интересныя упоминанія вполне естественны въ македонскихъ народныхъ пѣсняхъ, столь тѣсно связанныхъ съ сербскими. Тоже мы встрѣчаемъ и въ сербскихъ пѣсняхъ напр. въ № 56 Вука Караџића Марко пицетъ себѣ невѣсту подъ дворомъ краля Шишманина у земли Бугарској, онъ ѣдетъ право у земљу Бугарску; Дигоше се кићени сватови Путовати уз поље Бугарско; его невѣста Бугарка Ђевојка. Въ № 31 Мијајло краљ Бугарски иначе называется краљ Бугарин. Въ № 29 жепидба Душанова Вукашинъ одѣваетъ Милоша болгаринѣмъ, сверхъ другой одежды надѣваетъ на него Бугар-кабаницу, И на главу Бугарску шубару: Начини се црни Бугарине.

Въ значеніи народнаго имени встрѣчалось имя сербовъ и въ ранѣе изданныхъ пѣсняхъ напр. Платни ткаитъ Стойна сжрбинка Милад. № 251. Япка и момче Сжрбинче Шапкаревъ № 444 кн. 14, стр. 292—293. Весьма вѣроятно, что и «сибинска дѣвойка, сибиинский краљ» въ № 479 должно исправить на Сжрбинска, — ски, ib. стр. 333. Въ пѣснѣ № IV (изъ сборника С. Ив. Б. 1884 София) кралевика Марко убива *Сжрбинъ* добжръ юнакъ и Вида Охридчанка. Въ ней интересно слѣдующее мѣсто: А краљ на Сжрбина говори: Ой ле зето сжрбаче юначе! Не мой ми сжрбе въ двори доводи, Ке сж сжрбаци фного кавгаджии, стр. 44—45.

Многія изъ этихъ пѣсенъ относятся къ циклу Кралеви́ча Марка, въ другихъ героемъ является Янкулъ. Всѣ почти эти пѣсни имѣютъ сюжетомъ сватовство.

№ 6. Пошелъ юнакъ Груе на охоту по сербскому ровному полю. Охотится онъ и видитъ: идетъ сверху сербская свадьба, ведутъ прекрасную, какъ ясное небо, невѣсту, съ очами, свѣтящимися, какъ мелкія звѣзды, съ шеей, какъ ясный мѣсяцъ; на одной ея полѣ было двѣнадцать звѣздъ. Ея видъ плѣнилъ очи Груе. Много было кумовъ и сватовъ, пять сотъ болгаръ, тысяча влаховъ. Не испугало это Груя, хочетъ онъ похитить невѣсту. Но было и триста душъ сербовъ, проклятыхъ, какъ лютыя змѣи. Ихъ испугался Груе и бѣжалъ оттуда. Дома онъ рассказываетъ отцу о встрѣчѣ со свадьбой. Отецъ говоритъ на это: довольно тебѣ своей невѣсты, зачѣмъ тебѣ чужая? Опечалился Груе и написалъ письмо дядѣ Марку, чтобы онъ пришелъ съ двумя тысячами душъ, написалъ и сыну Марка, своему внуку, чтобы и онъ пришелъ съ тысячею душъ юнаковъ. И мѣсилъ Груе двадцать печей чистаго хлѣба, закололъ пятьдесятъ яловыхъ коровъ, ждетъ дядю съ племянникомъ. Дождался, пришелъ Марко съ сыномъ, сѣли пить, а, выпивши, ужинать, ѣдятъ, и пьютъ, весело бесѣдуютъ, а юнакъ Груе стоитъ печальный, и не ѣстъ, и не пьетъ, и не разговариваетъ. Марко сталъ спрашивать Груя, отчего онъ такъ печаленъ. Онъ рассказалъ свою встрѣчу со свадьбой. Выслушавъ это, Марко говоритъ всѣмъ юнакамъ: вставайте прощаться, пойдемъ на сербское поле. Отправились въ путь, и, какъ пришли, раскинули три шатра, сѣли три краля, а войско стоитъ. А сербская невѣста рано утромъ въ понедѣльникъ сидѣла въ свѣтлой верхней комнатѣ, а сербъ юнакъ легъ у ней въ колѣняхъ, чтобы она попросила у него въ русой головѣ. Когда она этимъ занималась, взглянула на поле и видитъ три раскинутыхъ шатра, подъ ними трехъ королей, и три тысячи войска. Какъ увидала невѣста, начала плакать, лить слезы. Сербъ спрашиваетъ ее, чѣмъ она недовольна, его домомъ, или имъ самимъ. Невѣста объясняетъ, въ чемъ дѣло.

Посмотрѣлъ и онъ, и видѣтъ три шатра, а возлѣ нихъ большое войско, поле почернѣло, словно устѣяно муравьями. Говорить невѣстѣ: осѣдлай мнѣ неукротимаго коня, который летаетъ наравнѣ съ небомъ, выведи его мнѣ къ камню, съ котораго садятся на коня, а я припоюшу острую саблю, сяду верхомъ, а ты мнѣ вынеси и крестчатое знамя. Уѣзжая, просить затворить тяжелыя ворота, запереть ихъ семью ключами. Наказываетъ за тѣмъ подняться на верхъ и смотрѣть, какъ пойдетъ бой. Если она увидитъ, что пало знамя, пусть отворить ворота. Пошелъ сербъ на сильное войско, какъ взмахнетъ острой саблей на лѣво и на право, перебилъ всѣ три тысячи душъ. Подошелъ онъ тогда къ тремъ шатрамъ, гдѣ сидѣли три короля. Вскочилъ Марко и говоритъ Сербу юнаку: мы пришли не биться съ тобой, а на свадьбу. Повѣрилъ сербъ юнакъ Марку и сожалѣетъ, что не зналъ этого раньше, онъ бы тогда не тронулъ юнаковъ, не заставилъ бы носить трауръ ихъ матерей. Зоветъ ихъ къ себѣ въ домъ. Они говорятъ, пусть онъ идетъ впереди, какъ хозяинъ. Пошелъ сербъ юнакъ, за нимъ Марко съ сыномъ, а за ними Груе. Груе обращается къ Марку, чтобы онъ убилъ серба острой саблей. Вынулъ Марко дамасскую саблю и разсѣкъ серба юнака на двѣ части, но сербъ и не почувствовалъ, говоритъ: что то захотѣлось мнѣ ѣсть, я ударю коня и поѣду впередъ, чтобы отворить ворота и васъ принять; какъ хлеснулъ коня, распался на двое, падаетъ съ коня и говоритъ Марку: если бы я это зналъ, закололъ бы я васъ троихъ, какъ барановъ. И пало тогда на землю его крестчатое знамя. Увидала это невѣста, побѣжала съ семью ключами отворить ворота и, когда вышла къ воротамъ, встрѣтила тамъ трехъ королевъ. Они се взяли, посадили на коня и повезли къ Грую. Обернулся Марко и видитъ, какъ хороша молодая невѣста (изображается ея красота тѣми же стихами, какъ и въ пачалѣ пѣснѣ). И говоритъ ему: довольно съ тебя Груе старой невѣсты, молодая не для тебя. Вынулъ Марко острую саблю и зарубилъ невѣсту. Она была для серба юнака, который былъ такой же красавецъ, какъ и она.

№ 8. Сербинъ король созываетъ на пиръ семьдесятъ королевъ, забылъ позвать Марка съ его племянникомъ изъ Солуня. И говоритъ Марко своему племяннику Груе: осѣдай деа быстрыхъ коня, поѣдемъ къ Сербину королю, онъ забылъ насъ позвать и справляетъ пиръ во тьмѣ и мракѣ, не забудь положить въ торбу свѣчу. Осѣдали коней и поѣхали. На среди пути Груе вспомнилъ, что забылъ взять свѣчу. Говоритъ объ этомъ Марку. Марко находитъ, что дѣлать нечего, надо ѣхать. И они приѣхали въ сербскій градъ, разогнали коней. Услыхали ихъ сербинъ краль и семдесятъ кралей, встали и смотрятъ: ѣдутъ паша Марко и юнакъ Груе. Вышла кралица имъ отворить. Марко входитъ въ залу, всѣ его привѣтствуютъ, предлагаютъ ему чаши. А Марко жалуется королю, что темно, ничего не видно. Тогда кралица встала и привела свою дочь, посадила ее въ залѣ, и она засвѣтила, какъ ясное солнце, освѣтила всю залу, всѣмъ стало видно другъ друга. Увидаль ее Груе и тайкомъ на ухо говоритъ Марку: паша Марко, посватай мнѣ эту дѣвушку. Всѣ крали и сербинъ краль подносятъ чашу Марку, принимаетъ ее Марко и говоритъ королю: будь ты мнѣ сватомъ, я буду твоимъ. Краль отвѣчаетъ: если такъ суждено Богомъ, и если ты юнакъ изъ юнаковъ, то долженъ исполнить нашъ обычай. Среди чернаго моря есть дерево калина, на деревѣ этомъ три ягодки калинки, иди туда и принеси мнѣ ягоду калинку; тогда будешь моимъ сватомъ. Какъ услыхаль это Груе, всталъ сѣдлать коня. Марко ему говоритъ: твой конь необъѣженный, осѣдай лучше моего коня, онъ очень умный, подтяни его пятнадцатью подпругами. Груе осѣдалъ коня и поѣхаль. Какъ ѣхали они къ черному морю, вышелъ драконъ, какъ старая баба, страшная чума, и говоритъ Груе: я дамъ тебѣ дѣвушку вдвое лучше, чѣмъ дочь короля, дамъ тебѣ и девять вьюковъ приданаго, все шелку. А конь говоритъ Груе: не стой здѣсь, онъ тебя съѣстъ. Ударилъ Груе коня и поѣхаль къ дереву калинѣ сорвать ягоду, цѣлое дерево вырваль. Ёдетъ назадъ, а драконъ вышелъ среди моря, съ тремя дѣвушками, которыя свѣтятъ, какъ солнце. И говоритъ

Грую: иди, дамъ тебѣ, какую захочешь взять, и дамъ тебѣ тридцать вьюковъ золота. Дался обману Груе, посмотрѣлъ на дѣвушку, а драконъ открылъ пасть и проглотилъ коня до сѣдла, Груя до колѣнъ. Говорить старшій конь: ударъ коня шпорами до самыхъ легкихъ, чтобы заиграло во мнѣ молодое сердце. Груе сдѣлалъ это, и конь попесся, какъ лѣтняя птица, и выѣхалъ на сушу вмѣстѣ съ дракономъ. Когда Груе такъ замедлилъ, затосковалъ паша Марко, спускается впизъ, слезы льетъ, ломаетъ руки, опять подымается на верхъ и смотреть въ сербское ровное поле. Видить: идетъ Груе съ чернаго моря, конь проглоченъ по сѣдло, Груе по колѣна, а дерево калину держитъ съ боку. Кричитъ тогда Марко: вынь, Груе, острую саблю и заруби дракона, отъ вида его женщина, которая не беременна, забеременѣетъ, а забеременѣвшая выкинетъ. Груе вынулъ саблю и зарубилъ дракона посреди сербскаго поля, и тогда пришелъ во дворецъ короля сербина и говоритъ: вотъ тебѣ дерево калина со всѣми плодами, дай мнѣ твою прекрасную дочь. И началъ Груе садить калину на дворѣ, и говоритъ королевѣ: когда будешь думать о своихъ дочеряхъ, садись тутъ подъ тѣнью калины. За него отдали дѣвушку сербскую и повели ее въ Солунь. Марко зналъ птичій языкъ, а когда ее вели, одна птица пѣла на пути: у этой невѣсты въ утробѣ змѣя, когда съ ней ляжетъ Груе, ее вынетъ. Когда были они на полпути, сняли ее съ коня, и говоритъ паша Марко Грую: возьми невѣсту за лѣвую руку, а я ее возьму за правую. Вынулъ Марко острую саблю и говоритъ ему: эта невѣста на половину моя, держи ее, я разсѣку ее на двѣ части. Жаль было Грую, но онъ не могъ ничего сказать дядѣ. Замахнулся Марко саблей, и невѣста отъ страха икнула, а змѣя выпала наружу, и Марко разсѣкъ трехглавую змѣю и говоритъ племяннику: да будетъ твоя невѣста, съ меня довольно моего юначества.

№ 18. Девять братьевъ и восемь спохъ жалуются бану Янкулу, что не могутъ приметать дворъ и собирать столъ, потому что его побратимы на своихъ быстрыхъ коняхъ разбиваютъ дворъ, разстрояваютъ столы. Имъ надобно подавать вино. Услыхалъ

это Янкуль и пошелъ къ камню, съ котораго садятся на коня; иди конь, я тебя осѣдлаю, и мы отсюда уѣдемъ, (повторяется жалоба братьевъ и снохъ). Сѣлъ Янкуль на быстрого коня и уѣхалъ въ зеленый лѣсъ, тамъ онъ сошелъ съ коня, пустилъ его пастись и началъ строить церковь во имя св. Воскресенья, строилъ ее три года, и не видалъ ни человѣка, ни птицы, нашелъ только соколенка и кукушечку, и не спалъ Янкуль три года, и только, построивъ церковь, задремалъ и легъ у ея вратъ уснуть и видѣлъ во снѣ, что его восемь братьевъ взялъ въ рабство Сербесъ делія¹⁾, заключилъ ихъ въ темницу, надѣлъ на нихъ тяжкія оковы, на шею тяжкія цѣпи, а снохъ его взялъ, какъ молодыхъ рабынь, и заставилъ ихъ мыть на рѣкѣ, бѣлить черную шерсть, а его племянниковъ пасти гусей. Проснувшись, Янкуль позвалъ къ себѣ сокола и посылаетъ его къ себѣ въ домъ посмотреть, стоитъ ли въ зелени лавровое дерево, или высохло, и живы ли, или мертвы три змѣи въ гнѣздѣ на этомъ деревѣ, течетъ ли подъ деревомъ источникъ вина, или высохъ, запущенъ ли его дворъ и домъ и порабощены ли его люди. Улетѣлъ соколъ въ домъ Янкула. И видитъ: увяло лавровое дерево, разболѣлись змѣи, высохъ источникъ вина, дворъ запущенъ, домъ разоренъ, одна только баба хозяйничаетъ внутри. И говоритъ ей соколенокъ: скажи мнѣ, старушка, гдѣ хозяева этого дома, умерли они, или ихъ нѣтъ? Она ему говоритъ: птица ты или человѣкъ меня спрашиваешь, мои очи ослѣпли, и я тебя не вижу, много слезъ я пролила, оплакивая девять сыновей и восемь снохъ съ впучатами, которыхъ увелъ Сербесъ делія. Соколенокъ подпился и улетѣлъ къ бану Янкулу. Янкуль кликнулъ своему коню: иди, я хочу посмотреть на тебя, три года, какъ я тебя не видалъ, не поилъ тебя и не кормилъ, потому что былъ разсерженъ на своихъ братьевъ, не снялъ узды съ твоей головы, не снялъ палаша съ твоей спины, не разстегнулъ твоихъ под-

1) Такъ въ оригиналѣ, быть можетъ и здѣсь не было ли первоначально *сербин*; мы оставили это слово безъ перевода, потому что оно стоитъ вмѣсто собственнаго имени.

пругъ. Теперь я сяду на тебя верхомъ, и мы поѣдемъ посмотрѣть, что за юнакъ взялъ въ рабство моихъ братьевъ и снохъ. Конь подошелъ къ бану Янкулу, онъ сѣлъ и поѣхалъ прямо въ село Сербесъ деліи. На концѣ села у рѣки нашелъ своихъ снохъ, онѣ бѣлятъ шерсть. Янкулъ имъ говоритъ: Богъ помочь. Онѣ ему отвѣчаютъ: дай тебѣ Богъ всего хорошаго, черный монахъ. Янкулъ спрашиваетъ ихъ, дома ли Сербесъ деліи. Онѣ отвѣчаютъ: не знаемъ, гдѣ онъ, не ищи его, чтобы тебѣ не погибнуть. Онъ спрашиваетъ, каково его юначество. Онѣ говорятъ: вотъ этотъ студеный камень поднимаетъ онъ до колѣнъ. Янкулъ нагибается съ коня, схватываетъ камень и бросаетъ его черезъ плечо, разбиваетъ его на три куска. Тогда онъ ушелъ назадъ и засталъ своихъ племянниковъ, пасутъ они гусей. Ему стало ихъ жаль, онъ заплакалъ, а племянники его узнали, подбѣжали къ нему, схватились кто за узду коня, кто за стремя и горько плакали. Янкулъ вынулъ изъ за пазухи кошелекъ и даетъ кому деньгу, кому денежку, высвободилъ коня и поѣхалъ къ воротамъ Сербесъ деліи. Вызываетъ его. Жена его въ это время вышивала на пяльцахъ шелковую рубашку и говоритъ Янкулу: ступай отсюда, черный монахъ, ступай, откуда пришелъ, а то придетъ Сербесъ деліи и тебя погубитъ. Янкулъ разсердился, подтянулъ поводья, пришпорилъ коня, разогналъ его и поднялся въ верхъ туда, гдѣ вышивала жена сербесъ деліи, ударилъ кулакомъ ей въ уста, и выпали у ней всѣ зубы, разсыпались на рубашку, какъ жемчугъ. Онъ говоритъ ей, что пойдетъ въ механу выпить вина; если вернется домой Сербесъ деліа, пусть туда приходитъ скорѣе. Ушелъ туда, привязалъ къ воротамъ коня и говоритъ ему по сербски: когда ты увидишь, что еще издали идетъ Сербесъ деліа, ты скажи мнѣ по сербски. И сѣлъ Янкулъ пить вино. Выпилъ семьдесятъ литръ подрядъ, идетъ Сербесъ деліа. Конь извѣщаетъ Янкула и спрашиваетъ, пускать его внутрь, или съѣсть наружу. Янкулъ отвѣчаетъ ему по сербски: не ѣшь его, а удержи немного: я пилъ семьдесятъ литръ вина и не смочилъ себѣ усовъ, не освѣжилъ себѣ горла, въ горлѣ у

меня словно сажу съ укусомъ. Когда пришелъ Сербесъ делія, конь его задержалъ. Янкулъ выпилъ еще семьдесятъ литръ вина и тогда говоритъ коню по сербски: пусти его внутрь. Когда онъ вошелъ, поднялъ свою тяжелую палицу и началъ бить Янкула. А Янкулъ кричитъ хозяину механы: что это мелкія блохи меня кусаютъ. И всталъ тогда Янкулъ, поднялъ свою небольшую палицу, разъ ударилъ и на четыре сажени вогналъ его въ землю. Вынулъ потомъ острую саблю и отсѣкъ ему русую голову, сѣлъ верхомъ на быстрого коня и поѣхалъ въ его домъ. Прямо пошелъ въ темницу, ударилъ въ нее ногами и не оставилъ камня на камнѣ, вывелъ изъ темницы братьевъ, освободилъ снохъ и племянниковъ, бывшихъ въ рабствѣ у Сербесъ делія, а жену его взялъ себѣ въ качествѣ молодой рабыни. Отвелъ ее къ себѣ въ домъ беззубую. И тогда позеленѣло лавровое дерево, выздоровѣли змѣи, протекъ источникъ вина, дворъ покрылся зеленой травой, повеселѣлъ его домъ, и мать его стала снова видѣть отъ радости.

№ 23. Сѣли тридцать сербскихъ юнаковъ, кто пьетъ вино, кто ракію, всѣ веселятся и ведутъ промежь себя разговоръ. На землѣ мадырской пируютъ свадьбу, нѣтъ нигдѣ такой прекрасной невѣсты, какъ дѣвушка мадырка. Кто найдетъ и ее похитить. Услыхалъ это удалой сербскій юнакъ, что сидѣлъ на краю и былъ очень печаленъ. Пробудилось его сердце, разыгралось, вскочилъ онъ на ноги, осѣдлалъ коня и говоритъ коню: довольно я тебя кормилъ, нынѣ я хочу видѣть твое молодечество. Переплыви бѣлый Дунай, вывези меня на мадырскую землю. И сѣлъ верхомъ на коня и направилъ его къ бѣлому Дунаю. Конь переплылъ Дунай, вывезъ его на мадырскую землю. Тамъ играли свадьбу, было много веселья: молодыя женщины и дѣвушки пляшутъ хороводъ, мадыры старики пьютъ вино, любятъ зрѣлищемъ, а мадырскіе юнаки бросаютъ студеныи камень. Подошелъ къ нимъ удалой сербъ, взялъ камень и перебросилъ его за два холма и двѣ плотины, побѣжали за камнемъ мадыры; а сербъ вернулся, взялъ невѣсту, посадилъ къ себѣ на коня, вы-

пулъ острую саблю и говоритъ старикамъ мадьярамъ: прощайте старцы, не вставайте съ мѣста, а то всѣхъ васъ перебью. Онъ ударилъ коня и переплылъ черезъ Дунай и вступилъ на сербскую землю. Тамъ нашелъ своихъ товарищей. Онъ увелъ къ себѣ въ домъ къ отцу съ матерью невѣсту. Когда мадьяры вернулись въ хороводъ, старики рассказали, что случилось. Помчались мадьяры въ погоню къ бѣлому Дунаю, но вернулись со срамомъ.

№ 68. Царь Константинъ пируетъ свадьбу сына и дочери. Созвалъ отовсюду гостей, призывалъ даже и *сербскаго короля Марка изъ Сербіи*, призывалъ и койняровъ и караманлійцевъ и мадьярскихъ юнаковъ. Ударилъ четыреста паръ барабановъ, заиграли на свирѣли четыреста музыкантовъ, раскинули шатры на зеленомъ лугу. Вышли юнаки бросать камень, метать тремя ножами и бороться. Сѣли потомъ на коней и отправились за молодой невѣстой изъ великой Кесаріи, взяли невѣсту королевскую дочь, банову внуку. Ведутъ ее, не торопясь, когда приближались къ Стамбулу, припустили коней, выстрѣлили изъ ружей и убили главнаго военачальника царя Константина. Очень жалѣлъ его царь, говоря: прости Богъ юнака Георгія, былъ онъ у меня большой забіяка.

№ 192. Прославилась милая дочь Янкула по всей землѣ Румелійской до самой Сербіи. Пришли къ ней сваты съ четырехъ сторонъ Румелии, послалъ сватовъ и женихъ изъ Сербіи. Янкулъ никому не хотѣлъ отказать, обѣщалъ ее пятерымъ, съ пятерыми ее сговаривалъ. Пришло время припести серьги, припесли ихъ пятеро въ одинъ день. И всѣ уговорились на счетъ свадьбы, въ одинъ день назначили всѣ пятеро. Преломили хлѣбъ въ воскресенье, на другое воскресенье будетъ свадьба. Янкулъ нарядилъ тогда еще четыре бѣдныя дѣвушки, вмѣстѣ съ его дочерью было ихъ пять одного роста, въ одинаковыхъ платьяхъ, покрыты одинаковыми вѣнчальными вуалями, не отличить одну отъ другой, которая дочь Янкула. И онъ поставилъ высокій шестъ изъ тонкаго высокаго дерева, обмазанный гнилой тыквой. Женихи

ударили въ барабаны, заиграли на свирѣли музыканты и пошли въ путь изъ пяти сторонъ сваты и кумовья и пять жениховъ въ домъ Янкула. Янкуль всѣхъ ихъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ. Женихъ сербъ разсердился на румелійскихъ жениховъ и на Янкула, обнажилъ саблю, готовъ пачать ссору. Янкуль ему говорить: не годится начинать ссору на свадьбѣ, не берутъ невѣсту съ кровопролитьемъ, а вотъ, кто изъ жениховъ влѣзетъ на широкій шестъ, того и будетъ молодая невѣста. Румелійскіе женихи не могли этого сдѣлать. Сербъ говоритъ тогда своему племяннику Стояну: открой шитую золотомъ сумку, вынь изъ нея льняную рубашку. И спялъ съ себя опъ шитыя золотомъ одежды, надѣлъ льняную рубашку, вынулъ оку смолы, намазалъ себѣ руки и ноги, поднялся на шестъ и опустился внизъ и говоритъ Янкулу: выведи молодую невѣсту, я возьму ее и пойду домой. Янкуль вывелъ тогда на дворъ пять невѣстъ и говоритъ ему: узнай невѣсту и бери ее. Сербъ женихъ вынулъ тогда золотыя и жемчугъ, бросилъ на землю и говоритъ имъ: стойте четыре невѣсты, а дочь Янкула пусть наклонится и соберетъ жемчугъ и золото. Если же какая нибудь изъ васъ меня обманетъ, всѣхъ васъ я разрублю на куски. Дочь Янкула стала собирать жемчугъ и золотыя. Взялъ ее сербъ женихъ, а жеппхамъ изъ Румелии достались оставшіяся четыре невѣсты. Такъ Янкуль выдалъ вмѣстѣ съ своей дочерью и четыре бѣдныхъ дѣвушки.

№ 193. Прославилась одна умная турчанка изъ бѣднаго дома, прославилась и ея милая дочь до самой Сербіи. Слава о ней дошла и въ городъ Китеиъ. Прислалъ къ ней двухъ сватовъ женихъ сербъ, не дали ему дѣвушки. Сватается тогда богатый старикъ Алилъ ага изъ Китепа, отдали за него дѣвушку. Мать невѣсты предупреждаетъ Агу, чтобы онъ не бралъ на свадьбу турокъ, а взялъ бы триста болгаръ, триста сербовъ и триста босняковъ: болгары готовы сейчасъ начать бой, сербы не погибнутъ въ схваткахъ саблями, босняки вмѣсто подушки кладутъ въ головы ружья. Не могъ только выбрать Халилъ-ага себѣ знаменосца. Какъ разъ пришелъ въ это время молодой сербъ

изъ Анатолиі, гдѣ онъ бился цѣлые двѣнадцать лѣтъ, онъ очень понравился Халиль-агѣ, и позвалъ его Ага къ себѣ знаменосцемъ. Обратившись съ мольбой къ Богу, молодой сербъ раздумываетъ, что ему дѣлать, и по раздумьи согласился. Онъ пошелъ со знаменемъ впереди свадебнаго поѣзда. Умная турчанка вышла къ нимъ на встрѣчу, всѣмъ поцѣловала руку и поставила столы. Молодой сербъ сѣлъ на первое мѣсто, съ нимъ сѣли и другіе сваты, а Халиль-ага стоять передъ нимъ. Турчанка вынесла господскія яства, ѣли, пили и пошли въ обратный путь, всѣ двинулись рядами, впереди всѣхъ идетъ молодой сербъ, за нимъ 900 сватовъ, позади всѣхъ молодая невѣста ѣхала въ серебряной повозкѣ. Достигли они Кятенскаго прохода и запѣлъ молодой сербъ сербскую пѣсню. Милостивый Боже, видано ли, слыхано ли, чтобы старый каракушъ взялъ себѣ лѣсную куропатку. Услыхала пѣсню невѣста и начала ему пѣть по сербски: молодой удалецъ сербъ, вышъ изъ поженъ острую саблю, перебей всѣхъ сватовъ, а я брошусь на твоего коня, и пойдемъ въ сербскую землю. А сербъ запѣлъ въ свою очередь: Боже, какъ я погублю столько душъ, послѣ того и жена мнѣ не повѣритъ. А невѣста запѣла: если не хочешь погубить столько бѣдныхъ людей, притворись больнымъ, останься позади повозки, я брошусь на твоего коня, и мы укачемъ. Сербъ притворился больнымъ, повѣсилъ на сѣдло узду, проѣхали мимо триста болгаръ, триста сербовъ, триста босняковъ, и онъ остался позади повозки, невѣста бросилась на его коня, и они помчались. Увидали это сваты и говорятъ Халиль-агѣ: невѣста твоя бѣжала. А онъ имъ говоритъ: если убѣжала, то вернемтесь и возьмемъ ее мать, мнѣ старую невѣсту. Всѣ вернулись и взяли умную турчанку, отвели ее въ градъ Китевъ.

№ 27. Видѣла сонъ дѣвушка Сирбия, что отъ воротъ Янкула протекли мутные потоки. Когда утромъ рано проснулись, она подала Янкулу воды умыться; сѣли они вмѣстѣ оба пить ракію, и она рассказываетъ видѣнный сонъ. Янкулъ велитъ позвать къ себѣ племянника Стояна. Когда тотъ пришелъ, спрашиваетъ, за

чѣмъ его позвали. Янкуль, рассказываетъ ему сонъ. Стоянь говоритъ на это: пока я живъ, не безпокойся. Сѣли вмѣстѣ всѣ трое. Пьютъ вино, а дѣвушка имъ прислуживаетъ. Ждутъ они не добрыхъ вѣстей. Ждали до обѣда, ждали до полдника и только во время вечерней молитвы пришло письмо отъ сербскаго короля, чтобы господинъ Янкуль, во чтобы то ни стало, пришелъ съ войскомъ на сербское поле биться битвой. Племянникъ утѣшаетъ дядю, собралъ войско, послѣ ужина тронулся въ путь на 300 коняхъ, до разсвѣта раскинули 500 шатровъ и привязали вблизи ихъ 300 коней. Когда разсвѣло, и сербскій король увидѣлъ шатры Янкула и ржавшихъ его коней, испугался, вернулся назадъ и послалъ къ Янкулу извѣстіе, чтобы онъ остановился и вернулся домой, бою не будетъ.

№ 59. Виша гречанка вышиваетъ топкую шелковую рубашку и поетъ пѣсню. Въ этой пѣснѣ она спрашиваетъ, кто рассадить по Дунаю айву, по берегу моря винограднаыя лозы, такъ рассадить, что онѣ примутся, зацвѣтутъ и завяжутъ плодъ, и онъ соберетъ плоды и принесетъ ей и возьметъ ее за себя. Услыхалъ это молодой сербъ, взялся за дѣло и все сдѣлалъ, какъ желала Виша. Явившись къ ней, просить ея руки. Виша отвѣчаетъ: да будутъ твои мое стройное тѣло, моя бѣлая шея, мои черныя очи, топкія брови. И взялъ онъ Вишу гречанку.

Варианты къ этой пѣснѣ встрѣчаются и въ другихъ сборникахъ. На мѣстѣ молодого серба у Миладинова желтый еврей № 164, у Безсонова молодой латинянинъ момче Латинче № X, у Шанкарева въ одномъ вариантѣ изъ Охрида Поповъ Никола, въ другомъ Гърче Костурче. №№ 489—490. Женское имя однако во всѣхъ одно Виша гречанка.

Эпическія пѣсни новаго времени воспѣваютъ героевъ греческаго возстанія, русскіе походы противъ турокъ, занятіе Наполеономъ Египта. Все это рѣдко встрѣчающіеся сюжеты. Въ настоящее время они вытѣсняются пѣснями, въ которыхъ прославляются новѣйшіе борцы противъ турокъ, вожди четъ, комиты. Эти пѣсни останутся такимъ образомъ характерными

для характеристики пѣсенныхъ сюжетовъ первой половины
прошлаго вѣка. Приводимъ ихъ полностью.

Въ № 77 воспѣта гибель Марка Бочара, въ № 78 морейцы
съ братомъ его Георгіемъ мстятъ туркамъ.

№ 77. Въ Мисолонгѣ сидятъ три юака, три капитана и
ведутъ рѣчь о томъ, что идетъ противъ нихъ скадарскій паша
съ двѣнадцатю тысячь гега арнаутовъ, кто выйдетъ ему на
встрѣчу? Говорятъ Марко Бочаръ: триста юаковъ, надѣньте
одежды гега арнаутовъ, приготовьте ружья, ополщите острия
сабли. И пошелъ Марко впереди, а за нимъ его дружина. На
пути онъ училъ юаковъ. Говоритъ имъ: юаки, мои братья,
когда вы столкнетесь въ битвѣ съ турками, не нападайте одинъ
на другого. И они пошли на высокую плащину. Сѣлъ тамъ Марко
Бочаръ, оттуда смотрѣлъ въ подзорную трубу. Въ войскѣ было
два шатра: одинъ былъ скадарскаго паши, другой кехан бея.
Не могъ узнать Марко, который былъ паши, который кехан.
Но разъ съ Божіей помощью вошелъ онъ въ средину войска и
какъ бѣшеный прямо направился къ шатру кехан бея, схватилъ
его за горло, задушилъ его, и никто не могъ узнать, что это
былъ Марко Бочаръ. Узналъ его только черный арапъ, который
былъ впереди его. Раздался выстрѣлъ изъ ружья чернаго арапа,
пуля ранила Марка, разгорячился Марко, пустился бѣжать,
отрѣзывалъ ткань юбки и затыкалъ ружейныя раны, чтобы не
лилось много крови. Вышелъ онъ изъ албанскаго войска, смо-
треть, нѣтъ ли одного юака изъ его трехъ сотъ дружины. За-
игралъ онъ тогда на свирѣли, и триста юаковъ пришли къ нему.
Марко Бочаръ испустилъ духъ, юаки подняли его и на себѣ
несли до самой Морен. Услыхали объ этомъ морейцы и вышли
все мужчины и женщины съ малыми дѣтьми и оплакивали Марка
Бочара. Облеклись въ ризы двѣнадцать поповъ и похоронили
Марка Бочара.

№ 78. Въ день св. Георгія сѣли морейцы обѣдать, все обѣ-
даютъ, все ѣдятъ, только капитанъ Георгій не ѣстъ и не пьетъ,
думаетъ о своемъ братѣ. Морейцы ему говорятъ: капитанъ

Георгій, не думай о насъ, насъ мать родила для пынѣшняго времени. Георгій имъ говоритъ: я ни о чемъ не думаю, ни о братѣ своемъ Маркѣ Бочарѣ. Меня беспокоитъ, что не осталось юнаковъ. Я молю владыкъ и капитановъ, чтобы помогли мнѣ еще юнаки. Я пойду противъ скадарскаго пашы, чтобы еще разъ видѣть этого чернаго пса, что убилъ брата моего Марка. Владыка и другіе капитаны дали ему много юнаковъ, собралъ ихъ Георгій 500, одинъ какъ другой, всѣ на подборъ, и пошелъ противъ скадарскаго пашы, перепялъ ему пути, осадилъ его. Услышала объ этомъ мать пашы, навьючила триста муловъ золотомъ и пошла къ Георгію. Умоляетъ его взять деньги, пустить ея сына: мой сынъ не такой завистливый, такихъ, какъ вы, юнаковъ не беретъ сабля. При немъ только одинъ юнакъ, черный песъ, это черный арапъ, который убилъ Марка Бочара. Георгій говоритъ матери пашы: я возьму золото, отпущу твоего сына, выдай только мнѣ въ руки этого чернаго пса, чернаго арапа. Мать пашы послала за нимъ, его схватили, и она выдала его Георгію. Георгій выпустилъ пашу и говоритъ ему: скадарскій паша я понялъ, что ты за человѣкъ, ты защищаешь такихъ юнаковъ, но больше не обманывайся, не приходи съ войскомъ въ Морею, потому что не вернуться тебѣ тогда живымъ. А теперь иди по добру по здорову. И взялъ Георгій чернаго арапа, мучилъ его тяжкими муками и отсѣкъ ему черную голову.

Бонапартъ, овладѣвшій Египтомъ, оставляетъ Египетъ туркамъ при помощи русскихъ.

№ 81. Знай царь, знай державный, что взяли Египетъ черные франки, вошли въ него, завладѣли дворцомъ, захватили два монетныхъ двора, принесли много руды и отчеканили много золотыхъ; не даютъ намъ творить омовенье у холодныхъ глубокыхъ колодцевъ, не даютъ пѣтъ съ высокихъ минаретовъ. Царь имъ далъ три года владѣть Египтомъ, они владѣютъ семь лѣтъ и не выходятъ изъ Египта. Царь послалъ строгій фирманъ,

чтобы франки во чтобы то ни стало оставили Египетъ. А они говорятъ: царь султанъ Махмутъ, съ саблей мы вошли въ Египетъ, съ саблей изъ него и выйдемъ. Царь испугался, не могъ вступать съ ними въ ссору. И обратился съ просьбой къ Москову, чтобы освободилъ ихъ отъ франковъ. Московъ послалъ франкамъ сердитые фирманы, отправилъ ихъ Бонапарту. Требуешь отъ него, чтобы онъ вышелъ изъ Египта, иначе грозить послать свое войско. Испугался тогда Бонапартъ и бѣжалъ изъ Египта.

Пѣсни о взятіи Варны русскими есть въ сборникѣ Безсонова, но онѣ значительно отличаются отъ пѣсни подъ № 83.

№ 83. Въ нынѣшнемъ году, какъ насталъ мѣсяцъ май, Московъ двинулъ войска противъ царя Махмута. Развѣваются знамена съ золотыми крестами, какъ львы стоятъ въ рядахъ юнаки. Московъ взялъ въ руку золотой крестъ, всѣ юнаки помолились Богу и перекрестились и двинулись какъ львы. А турки все были кровопійцы, и Московъ съ своими юнаками хвалился и радовался и призывалъ ихъ: впередъ юнаки, Богъ намъ на помощь. Какъ идемъ на битву, такъ и вернемся, да поможетъ намъ Богъ одолѣть турокъ и вернуться героями. И двинулось къ Варнѣ сильное войско, насталъ тамъ бой съ турками. Пушки ѣдутъ, какъ бочки, ядра падаютъ градомъ, разрушена мостовая въ Варнѣ, побито много турокъ: 1800 однихъ бимбаши, тысяча нашей. Держали турки совѣтъ съ султаномъ, потому что Московъ достигъ до самаго Адрианополя. Съ побѣдой пришелъ Московъ, съ побѣдой и вернулся.

Послѣдующія пѣсни съ эпическимъ характеромъ относятся къ сюжетамъ позднѣйшей гайдуцкой эпохи. Онѣ обычно приурочены къ семейнымъ отношеніямъ.

№ 13. Мать очень бранила Стояна: не носи Стоянъ турецкое платье, алое сукно и красную мантию на плечахъ, пару пистолетъ за поясомъ, острую саблю сбоку, не ходи по кварталамъ и механамъ, не трогай турецкую дѣвушку, турки ревнивы, чтобы не пошли жаловаться на тебя царю Стефану. Стоянъ не послушалъ

матери. И турки пошли на него жаловаться. Разгнѣвался царь, что въ его землѣ творится такое насилье. Написалъ онъ Стояну строгій фирманъ, чтобы скорѣе пришелъ въ Царьградъ. Испугался Стоянь, пошелъ къ матери посоветоваться, какъ ему быть. Мать говоритъ: не слушалъ, когда мать тебя бранила, а теперь дѣлай, какъ знаешь. Стоянь отправился въ Царьградъ. Привноситъ царю повинную и говоритъ: если тебѣ угодно, отсѣки мнѣ голову, но только, когда выпадутъ у меня изъ за пояса пистолеты, когда свалится съ плечъ моя сабля. Стефанъ испугался, не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. Написалъ строгій фирманъ и послалъ его въ Босну, откуда девять лѣтъ не получалъ податей, гдѣ дороги заняты разбойниками. Стоянь отправился въ Босну, собралъ подати все золотыми и возвращается съ выюками въ Царьградъ. Когда шелъ онъ среди зеленого лѣса, напалъ на него крѣпкій сонъ, и началъ Стоянь пѣть громкую длинную пѣсню. Услыхали его сорокъ разбойниковъ, вышли изъ зеленого лѣсу на дорогу, кто веревки рѣжетъ, кто деньги уносятъ. Стоянь умоляетъ ихъ: братья христіане, не отрѣзайте веревки, не уносите деньги, не вводите Стояна въ бѣду. Они не послушали Стояна. Стоянь разгнѣвался и острой саблей перебилъ 33 разбойника, оставилъ въ живыхъ только семерыхъ, чтобы помогли ему снова нагрузить выюки съ деньгами. И заставилъ ихъ вести коня къ царю, а поверхъ казны бросилъ и тридцать три головы. Привелъ ихъ къ царю и говоритъ: вотъ тебѣ, царь, подати за девять лѣтъ изъ Босны, сорокъ выюковъ золота и тридцать три головы разбойниковъ, да семь душъ живыхъ, дѣлай съ ними, что хочешь. Царь обрадовался, увидавъ Стояна, послалъ его на родипу къ матери и далъ ему свободу поступать по прежнему.

Юнакъ находитъ себѣ невесту въ Будимѣ.

№ 22. Турунджюла нигдѣ не могъ найти себѣ по сердцу ни дѣвушки, ни молодой вдовы, пока не пришелъ въ Будимъ градъ къ новому фонтану. Тамъ три дѣвушки брали воду. Одна была

не особенно хороша, другая была средняя, третья была самая красивая: когда стояла, свѣтила, какъ солнце, а очи ея были, какъ мелкія звѣзды, груди, какъ ясный мѣсяцъ. Турунджюла ѣдетъ напоить коня, конь не пилъ воды, а стоялъ и смотрѣлъ на нихъ и говоритъ своему господину, чтобы онъ взялъ прекрасную дѣвушку и увезъ ее домой. Турунджюла сдѣлалъ такъ, прищипорилъ коня, конь разгорячился, взлетѣлъ въ поднебесье и привезъ ихъ домой. Будимскіе юнаки прибѣжали къ фонтану, но тамъ уже никого не было. А дома мать позвала свата и семь поповъ, они обвинчали Турунджюла. По имени героя и началу эта пѣсня сходна съ № 345, Шапкарева Отд. III, кн. III, стр. 92—94: Турунджия си граби невѣста.

Выборъ несты и испытаніе дружины.

№ 174. 70 воеводъ пьютъ вино и водку, имъ прислуживаетъ Марія. Подаетъ имъ чаши, они хватаютъ ее за руку. Говоритъ имъ Марія: не могу я быть всѣмъ вамъ женою, а только одного того, который переплыветъ синее озеро. Устыдились юнаки, посмотрѣли въ землю. Подобралъ одежду Иванъ добрый юнакъ и поплылъ, сорвалъ айву и апельсинъ и, плывя обратно, со средины озера крикнулъ товарищамъ: рыба меня проглотила до колѣна, скорѣе спасайте меня. Всѣ воеводы смотрятъ въ землю. Подобрала Марія шелковую рубашку и бросилась въ озеро спасать Ивана. А онъ ей говоритъ: Марія, моя милая, не входи въ синее озеро; не такой я юнакъ, чтобы меня схватила рыба, я только испытывалъ мою дружину, чтобы видѣть, войдетъ ли кто въ озеро спасти меня. Вышелъ Иванъ изъ синяго озера, взялъ себѣ Марію и вѣнчался съ нею.

Покинутая юнакомъ жена выходитъ за мужъ за другого. Извѣщенный объ этомъ матерью онъ является и предупреждаетъ свадьбу.

№ 56. Тодоръ юнакъ пьетъ вино на планинѣ Вятренъ съ своими побратимами и девятью янычарами. Въ то время какъ

они ѣли, пили, вели бесѣду, пришло письмо отъ старой матери Тодора, чтобы скорѣе приходилъ домой, потому-что его жена выходить замужъ за другого. Какъ прочелъ Тодоръ письмо, забылъ кусокъ въ устахъ, чаша осталась въ его рукѣ, и говоритъ онъ побратимамъ: братья мои названные и девять янычаръ, вставайте, сѣдлайте моего быстрого коня. Я ѣду домой.— Приѣхавъ въ свое село, Тодоръ застаеъ свадьбу, бьютъ барабаны, музыканты играютъ на свирѣли, сваты и кумовья пляшутъ въ хороводѣ и пѣвѣста съ ними. Тодоръ проситъ сватовъ, чтобы вывели къ нему пѣвѣсту, пусть она поцѣлуетъ его руку, а онъ подаритъ ей дорогой подарокъ. Онъ чужестранецъ и торопится идти въ путь. Сваты поддались на его слова, вывели пѣвѣсту. Онъ подарилъ ей серебряный перстень. Какъ только увидала его пѣвѣста, тотчасъ же узнала, сняла съ себя вѣнчальное платье, сбросила съ головы красную вуаль и говоритъ сватамъ и кумовьямъ: уходите, откуда пришли, пришелъ ко мнѣ мужъ мой Тодоръ.

Не завидна доля жены гайдуга, которая жалуется за то на свою мать.

№ 33. Елена сѣла въ саду у бѣлой виноградной лозы, вышиваетъ тонкую шелковую рубашку, прокликаетъ мать за то, что отдала ее за разбойника. Весь день ходитъ по механамъ, пьетъ вино и ракію; а вечеромъ придетъ и заставляеъ чесать коня, поить, кормить, сѣдлать коня. Когда стемнѣеъ и зайдетъ солнце, садится на коня и ѣдетъ на пути и дороги. На зарѣ приходитъ съ тремя мулами, павьюченными казной, а поверхъ казны окровавленная рубашка, въ рубашкѣ праваа рука и на пальцѣ серебряный перстень, точъ въ точъ, какъ у моего брата Николы.

Большой юнакъ передъ смертію хочетъ видѣть свою веселящуюся невесту.

№ 94. Кирапа пляшетъ въ хороводѣ на планинѣ Вятрепѣ. Она одѣта какъ пѣвѣста; а бѣдный Стоянъ лежитъ большой, близокъ къ смерти. Навѣстившіе его товарищи рассказываютъ ему

про Кирану. Вздохнул Стоянъ и взмолился Богу. Дай мнѣ, Боже, силъ и здоровья пойти на планину Вятренъ, гдѣ Кирана пляшетъ въ хороводѣ. Богъ далъ ему силу, онъ вошелъ на планину. Вторично помолился Богу: подуй, Боже, тихимъ вѣтеркомъ, сдунь платокъ Кираны. Посмотрю я на ея бѣлое лицо, черныя очи и тогда испущу духъ. Не успѣлъ Стоянъ договорить, какъ подулъ вѣтеръ, распахнулъ платокъ Кираны. Стоянъ увидалъ ея бѣлое лицо и черныя очи и умеръ.

Гайдукъ знаменосецъ погибаетъ отъ пули арнаутовъ изъ Дебры.

№ 110. Дона прекрасная дѣвушка, слышала ли ты, знаешь ли ты, что меня записали знаменосцемъ, буду идти впереди войска, съ зеленымъ знаменемъ въ рукахъ, пойдемъ къ Черному морю. Жди меня 7 — 8 лѣтъ; если не приду, выйди замужъ за такого же, какъ и я, юнака, который поситъ мое платье, сѣдластъ моего коня, заряжаетъ мое ружье, опоясываетъ мою саблю. Только вышелъ, и его убили арнауты изъ Дебры.

Жена Минтана выдаетъ гайдукамъ своего мужа:

№ 61. Лають собаки, сестра Елена, выйди, посмотри, на кого лають. Когда вышла Елена, (видитъ), собаки лають на злыхъ разбойниковъ съ зеленымъ знаменемъ. Пошла домой сестра Елена и спрятала брата Минтана въ серебряную клѣтъ, подъ серебряный сундукъ. Вошли злые разбойники, лютые вороги, стали искать ея брата. (Спрашиваютъ сестру): Елена, гдѣ твой братъ? Елена отвѣчаетъ: пошелъ въ село побесѣдовать, въ чей домъ, не знаю, какъ вамъ сказать. Схватили Елену разбойники, мучать ее руками, рѣжутъ ножами, она не выдаетъ брата. Отрубили ей обѣ ноги до колѣнъ, не говоритъ Елена, отсѣкли ей обѣ груди, выкололи глаза, отрубили руки по плечи, не выдала Елена брата. Принялись тогда разбойники за жену Минтана. И только ее схватили, она имъ сказала, гдѣ спрятанъ мужъ. Нашли разбойники Минтана, хорошенько ему связали назадъ бѣлыя руки и повели его въ зеленый лѣсъ. Оплакивала Елена брата, прокли-

нала его жену. Говоритъ брату: прощай братъ, у меня нѣтъ очей на тебя посмотриѣть, нѣтъ рукъ тебя обнять, нѣтъ ногъ къ тебѣ подойти. Отвели злые разбойники ея брата въ зеленый лѣсъ, посадили его на колъ.

Похвальба конемъ.

№ 15. Радичъ юнакъ похваляется своимъ быстрымъ конемъ, что въ одинъ день объѣдетъ вокругъ земли и вернется до захода солнца. Халиль-ага изъ Дойрана общается ему, если это сдѣлается, отдать сестру свою кадуну Фатиму. Радичъ въ свою очередь отдастъ ему свою молодую жену съ сыномъ на рукахъ, если не исполнитъ своихъ словъ. Вернувшись домой, Радичъ велитъ жепѣ накормить и напоить коня. Жена исполнила приказаніе. Радичъ сѣлъ на коня и уѣхалъ. Когда пріѣхалъ къ зеленымъ лугамъ, напалъ на него крѣпкій сонъ, онъ легъ отдохнуть и уснулъ. Проснулся, солнце близко къ заходу. Проснувшись, Радичъ, упрекаетъ коня, отчего онъ не разбудилъ его. Объѣдемъ землю кругомъ въ одинъ день. Они поѣхали и вернулись. Радичъ получилъ Фатиму и отвелъ ее домой, какъ молодую рабу. Какъ вариантъ этой пѣсни, близкій по имени героя, можно указать № 171 Миладинова: Радичъ юнакъ и Арапинъ Амза бегъ.

№ 92. Это извѣстный вариантъ пѣсни о дѣвушкѣ войнѣ. Отецъ Тодоры читаетъ письмо и льетъ слезы. На вопросъ дочери, о чемъ онъ плачетъ, отецъ рассказываетъ, что вчера на базарѣ въ Дойранѣ глашатаи призывали идти на войну всѣхъ турокъ и христіанъ. Но у старика нѣтъ сына. Дочь вызывается идти сама вмѣстѣ съ двоюродными братьями, проситъ только купить ей коня, ружье и пару пистолетовъ, острую саблю и турецкое платье. Отецъ согласился, и Тодора отправилась на войну. Въ войскѣ она ходила впереди, послала спящее и зеленое знамя. Спустя три года она возвращается домой. На тотъ же мотивъ еще одна пѣсня подъ № 131. Дочь замѣчаетъ печаль отца и на распросы, отчего онъ печаленъ, узнаетъ, что отцу надо идти въ сильное войско.

Дочь просить купить ей солдатское платье и оружіе и вызывается идти вмѣсто отца. Одѣлась она, вооружилась, сѣла верхомъ на отцовскаго коня и отправилась. Какъ завидѣли ее солдаты, говорятъ царю: это не юнакъ, а дѣвица. Царь отправляется въ домъ дѣвушки и спрашиваетъ мать. Мать говоритъ, что, если это ея дочь, она купитъ золотое яблоко и спрячетъ его за пазуху. Когда прекратилась война, Хайдула такъ и сдѣлала. И пошла назадъ въ отцовскій домъ; пришла къ воротамъ и говоритъ: я ушла, какъ Тодоръ юнакъ, вернулась дѣвицей Хайдулой. Не успѣла сѣсть, пришли отъ царя сваты, просятъ Хайдулу за царскаго сына. Родители дали согласіе. Настало время свадьбы. Царь пришелъ за невѣстой, за нимъ сваты и кумовья. Пришли въ приметный домъ Хайдулы, а она спрашиваетъ, а гдѣ же царь женихъ. Отвѣчаютъ, что его оставили дома встрѣчать и провожать гостей. Хайдула на это говоритъ, что она не пойдетъ съ ними, пока не придетъ царскій сынъ, предлагаетъ имъ идти назадъ. А отцу своему говоритъ: вотъ отецъ еще у тебя забота.

Часто уходившіе изъ дому гайдуки погибали, преслѣдуемые турками. Умирая, они обычно поручаютъ товарищамъ дать знать о своей смерти своимъ матерямъ.

№ 30. Пошелъ Петръ юнакъ на дальній рыпокъ въ чужую сторону въ Самоковъ. Шелъ онъ шелъ, съ пути не сворачивалъ, прошелъ черезъ зеленый лѣсъ, достигъ широкаго поля, среди поля стояло высокое дерево, подъ деревомъ холодный колодезь. Сошелъ Петръ съ коня, вынулъ изъ дискаго позолоченный сосудъ напиться холодною водою. Напился и сѣлъ подъ тѣнь, вынулъ изъ за пазухи частый гребень расчесать русые волосы и говорилъ имъ: Эхъ вы проклятые, задержите меня на пути въ Петричъ и Самоковъ. Не окончивъ еще словъ, какъ подошли страшные сеймены, схватили Петра и отрубили ему русую голову, взяли ея сеймены и отнесли въ Софію воеводѣ. Пришли старые и малые посмотреть на голову Петра. Пришла и одна старуха и говорила: думала ли мать, что тебя постигнетъ такая судьба. А сеймены ей говорили: браво бабушка, воспитай и другихъ сыновей, какъ

Петра: девять плашинъ мы прошли, тридцать душъ насъ пало, пока мы схватили твоего сына.

№ 91. Собрались въ путь на ярмарку девять человекъ дружины и отправились къ Бюкь-чешмѣ. Одному изъ дружины захотѣлось пить. Онъ пошелъ къ чешмѣ и только наклонился, какъ раздались выстрѣлы изъ пары пистолетовъ. Еще онъ былъ живъ и умолялъ товарищей, вернувшись въ село, передать его матери печальную вѣсть о его смерти. Пусть соберетъ она четырехъ юнаковъ, стройныхъ и черноокихъ, какъ онъ, пусть имъ дастъ алые платки, чтобы пошелъ они къ Бюкь-чешмѣ и собрали въ платки его кровь, пусть выберетъ четырехъ дѣвушекъ, стройныхъ и черноокихъ, какъ его мпая, пусть метутъ его дворъ, его домъ и поютъ пѣсни о томъ, какъ шлѣ девять молодцевъ (слѣдуетъ повтореніе). Вернушіеся товарищи сказали матери, что поручалъ сынъ; какъ услышала это мать, сейчасъ же умерла.

По началу заслуживаетъ вниманія пѣсня № 113, конецъ которой обыченъ въ гайдучкихъ пѣсняхъ:

Сынъ жалуется на проклятіе матери. Мать посылала его на чужую дальнюю сторону, куда улетаютъ ласточки и ему грозила, что долго онъ останется на чужбинѣ. Сбылись ея слова. Сынъ ушелъ на чужбину, и мать, выходя на дорогу, когда проходили погонщики, спрашивала, не знаютъ ли они про ея торговца Янс. Они ей отвѣчали. Видѣли мы твоего сына въ далекой Московіи, ему постелей былъ мраморъ, покрываломъ песокъ. Его ѣли черныя птицы; одна золотая птичка не разъ возвращалась и говорила другимъ птицамъ: ѣште вы птицы его открытыя плечи и груди и его мраморное тѣло, а мнѣ оставьте правое око и правую руку и правую ногу. Я возьму ихъ въ свой клювъ и отнесу матери, пусть мать положитъ ихъ въ серебряный сундукъ и, когда отворитъ сундукъ, пусть смотритъ и плачетъ.

№ 107. Гдѣ слыхано, гдѣ видано, чтобы дѣвушка вела караванъ? А прекрасная Димана вела караванъ въ Софію изъ 12 муловъ съ 13 муленками. На обратномъ пути на Софійскихъ лугахъ Димана развѣвучила муловъ, пустила ихъ пастись, она заболѣла

лихорадкой. Она говоритъ товарищамъ: отправляйтесь въ село, подойдя къ нему, дайте выстрѣлъ, выйдетъ народъ посмотрѣть на васъ, выйдетъ и моя мать. Будетъ она про меня спрашивать, не говорите ей правды, а скажите ей: мы выдали Диману замужъ за юнака съ того свѣта (т. е. похоронили).

Отношеній къ туркамъ касается цѣлый рядъ пѣсень. Братъ защищаетъ сестру, преслѣдуемую туркомъ.

№ 90. Разболѣлся бѣднякъ Колю. Лежитъ больнымъ девять лѣтъ. Некому его павѣстять. Одинъ день поднялъ онъ очи и видитъ, сго сестра бѣлая Петра увала, почернѣла. Братъ спрашиваетъ сестру, отчего это съ ней. Или я тебѣ надоѣлъ, или нѣтъ у тебя милаго? Оказывается, сестру преслѣдуетъ дели Феризъ, собирается ее увести; каждую ночь поджидаетъ у воротъ, не даетъ пойти за водой. Братъ утѣшаетъ сестру; пока онъ живъ, ей печего бояться. Посылаетъ ее къ купцу еврею купить кусокъ полотна. Когда она принесла полотно, обвязываетъ свое тѣло, беретъ острую саблю, девять лѣтъ не выпинавшуюся изъ ноженъ, и выходитъ къ воротамъ. Откуда ни возьмись приходитъ Феризъ. Они поссорились, и Колю отсѣкъ турку голову. Верпувшись, ложится на постель и говоритъ сестрѣ: бѣлая Петра, я умираю, оставляю тебя сиротой безъ отца, матери и брата.

Турокъ не хочетъ оказать помощи женѣ больного Стояна, не оскорбляя ее, мужъ послѣ того посылаетъ жену за отравой, и оба въ одинъ день, отравившись, умираютъ.

№ 119. Три года съ половиной лежитъ больнымъ Стоянъ. Его семья пропадаетъ съ голоду, сго жена, выходя изъ дому, ломаетъ руки, входя въ избу, проливаетъ слезы. Стоянъ посылаетъ жену къ побратиму Алию попросить у него мѣру жита, кпо проса, накормить малыхъ дѣтей. Алиѣ соглашается, если она дастъ ему поцѣловать бѣлое лицо, черныя очи. Съ поцѣловшей головой вся въ слезахъ возвращается жена Стояпа домой и рассказываетъ мужу. Мужъ тогда посылаетъ ее на рынокъ купить отравы. Жена купила и отравилась, за нею и Стоянъ. Мужъ съ женой умерли въ одинъ день, ихъ зарыли въ двѣ могилки.

Мать предостерегаетъ дочь отъ любезностей турка. Любовь дочери къ турку срамъ для матери.

№ 125. Мать обращается къ дочери и просить ее спрятаться отъ турка, чтобы не увидалъ ее. Дочь на это спрашиваетъ, а что же турокъ съ ней сдѣлаетъ. Мать перечисляетъ, что онъ можетъ просить, а дочь ей отвѣчаетъ: турку ужинъ — мое бѣлое лицо, обѣдъ — мои черныя очи, постеля — мое тонкое тѣло, подушка — мое бѣлое горло, одѣяло — мое бѣлое платье. Мать ей на это: Покарай тебя Богъ, полюбивъ турка, ты меня осрамила.

Похищаемая туркомъ дѣвушка спасается отъ безчестія укушеніемъ змѣи.

№ 167. Бейна, прекрасная дѣвушка идетъ съ новой стомной въ рукѣ за водой, на головѣ у нея бѣлая роза. Встрѣтилъ ее Халиль-ага злой разбойникъ съ девятью другими товарищами. У нихъ черныя торбы. На нихъ бѣлыя юбки, у всѣхъ скадарскія сабли, шелковые пояса, въ серебро оправленные пистолеты, на плечахъ тонкія ружья. И Халиль-ага похитилъ Бейну и повелъ къ себѣ въ домъ. Когда они шли дорогой, Бейна попросила воды. Онъ ей говоритъ: прекрасная дѣвушка, вотъ колодецъ съ водой, чѣмъ только ея зачерпнуть? Пошла Бейна къ колодцу, наклонилась налить воды, и ея ужалила лютая змѣя. Бейна отдала Богу душу и спаслась отъ турка.

Въ сборникѣ, насчитывающемъ двѣсти пѣсень, сравнительно не велико число пѣсень мифологическаго и легендарнаго содержанія. Возможно, что это зависѣло отъ того, что тетрадь съ такими пѣснями попала въ редакцію болгарскаго сборника. См. примѣчанія редакціи къ помѣщеннымъ въ X томѣ пѣснямъ, стр. 9 послѣдняго отдѣла.

Мать бранила солнце, что не пришло къ ней рапо. А солнце говоритъ матери, что замедлило на пути, потому что видѣло чудо. Евреи играли свадьбу и закололи девять маленькихъ дѣтей, заставили плакать девять матерей. Но и этого было мало. Они вели одного юнака съ девятью сестрами, а десятая была ихъ мать. Голыя и босыя съ непокрытой головой онѣ умоляли евреевъ

отпустить брата, единственного сына у матери, который въ будущее воскресенье долженъ былъ вѣнчаться. Не послушали ихъ евреи, взяли и его убили. И заросила кровавая роса, и потекли кровавыя рѣки, возшло кровавое солнце.

Начало пѣсни № 129 напоминаетъ сказку Дивьян, помѣщенную въ сборникѣ Вука Караджича.

№ 129. Три тысячи юнаковъ Босняковъ собрались идти въ сѣльное войско. Не знаютъ, идти сухимъ путемъ, или моремъ. Вошли на корабль и ѣздили по морю три года. Не могли найти мѣста, гдѣ бы высадиться. Поднялась сильная буря, разбила корабль, все утонули, спаслись только два юнака на одной доскѣ. Они вышли на берегъ, ходили цѣлую недѣлю, не находили ни жилья, ни людей; только разъ въ полѣ нашли одноглазого чобана. Онъ принялъ ихъ въ гости, взялъ одного и испекъ его па ужинъ, другой оплакивалъ товарища. И вотъ, когда чобанъ легъ спать, онъ взялъ вертелъ, раскалилъ его до красна и выкололъ глазъ чобану. Послѣ этого всталъ и бѣжалъ; бѣжа по широкому полю, нашелъ домъ, въ которомъ была старая баба. Обмѣниваются привѣтствіями, но баба проситъ его спрятаться за дверями. У ней есть злая дочь, если придетъ и увидитъ, не оставитъ его въ живыхъ. Онъ спрятался. Когда пришла дочь бабы, вышелъ и спрашиваетъ ее, не видала ли она его дѣтей. Она ему говоритъ: я, братецъ, солнце, твой старшій сынъ умеръ, рано утромъ я отнесу тебя домой; и, когда пришелъ домой, видитъ, жена оплакиваетъ сына, одѣтаго въ саванъ.

Легендарный характеръ имѣютъ пѣсни, сюжетомъ которыхъ является борьба съ дракономъ, требующимъ себѣ человѣческихъ жертвъ № 86, или забирающимъ источники съ водой № 12.

№ 86. Одно дитя родилось вечеромъ, когда приходятъ коровы, пачало ходить, прежде чѣмъ пропѣли пѣтухи, заговорило до разсвѣта и къ обѣду начало писать. Мать ему говоритъ: ты не обычное дитя, какъ другія дѣти, ты настоящая юда самовила. Дитя не соглашается съ словами матери, считаетъ себя такимъ же, какъ и другія дѣти. Объявляетъ матери, что пойдетъ въ

Солунь. Три года съ половиной, какъ тамъ появился страшный драконъ, не оставляетъ живыми солунскихъ дѣвушекъ, каждый день съѣдаетъ по одной, и девять каравановъ съ погонщиками имъ проглочены, девять свадебныхъ поѣздовъ со всѣми поѣзжаными также. Дитя хочетъ убить дракона и спасти солунскихъ гражданъ. Мать удивляется рѣшенію сына: не знаешь еще, что опоясать, а гдѣ тебѣ убить страшнаго дракона. Сынъ проситъ отцовскую тяжелую палицу и острую саблю. Мать ему дала, онъ пошелъ въ конюшню, осѣдлалъ отцовскаго быстрого коня и поѣхалъ. Проѣхалъ полпути и раздумалъ, не вернуться ли. Въ это время вышла утренняя звѣзда и говоритъ ему: дитя, вчера вечеромъ рожденное, не возвращайся съ полпути, не бойся, пока мы впереди; мы св. Богородица и св. Недѣля. Дитя послѣ того шло безъ страха, и по деревьямъ и по камнямъ наклеивая листки бѣлой бумаги, чтобы не сбиться съ дороги. И пришло въ Солунь. Вышелъ страшный драконъ, онъ ревѣлъ и ѣлъ землю. Дитя ударило его палицей, и страшный драконъ упалъ на землю. Дитя сошло съ коня и, вынувъ изъ поженъ отцовскую острую саблю, зарубило дракона по срединѣ. И пробѣжали девять каравановъ съ погонщиками, девять свадебныхъ поѣздовъ съ сватами и кумовьями и девять молодыхъ невѣстъ.

№ 12. Сваты и кумы ѣдутъ за молодой невѣстой Нигритячкой. Путь идетъ лѣсомъ, боятся, что нѣтъ тамъ холодной воды. Янкулъ на это говоритъ, что онъ знаетъ среди лѣса глубокій колодець. Въ немъ есть холодная вода, но не даетъ изъ него воды драконъ. Взяли возжи, чтобы, подвизавшись ими, спуститься въ колодець и достать воды. Поѣхали. Опускаясь въ колодець, Стефанъ проситъ потянуть его, какъ только онъ задергастъ веревкой. Опустили его, драконъ заревѣлъ. Стефанъ испугался, задергалъ веревкой, его вытащили. Янкулъ, спускаясь, проситъ, чтобы, когда онъ задергаетъ веревкой, опустили его глубже. А сами пусть убѣгаютъ. Стали его опускать, пока онъ не достигъ дракона, драконъ разѣлъ было пасть, чтобы съѣсть его, но Янкулъ вынулъ острую саблю и зарубилъ дракона. Потекла

тогда холодная вода, и люди напились, и коней напоили, и отправился за невестой, привели ее.

Извѣстны сказанія и пѣсни, въ которыхъ ради гостепріимства приносятся въ жертву собственныя дѣти. Объ этомъ есть короткая пѣсня.

№ 133. Царь Константинъ собираетъ пиръ, ждетъ гостей, посылаетъ всѣ окрестныя села. Не знаетъ, чѣмъ угощать гостей, скоромными или постными яствами. У него есть сестра Елена очень далеко въ городѣ Будимѣ. Съѣлъ царь на быстрого коня и поѣхалъ къ сестрѣ спрашиваетъ ее, какъ быть. Сестра ему говоритъ: у тебя три сына, заколи старшаго, сготовь скоромное и постное и угостишь всѣ окрестныя села. Царь Константинъ сдѣлалъ, какъ ему сказала сестра.

Человѣческая жертва необходима для прочности постройки. Почти въ каждомъ сборникѣ болгарскихъ пѣсенъ можно найти варианты, изображающіе этотъ сюжетъ. Послѣ отца осталось трое сыновей. Хотятъ строить церковь во имя св. воскресенья. Позвали 300 мастеровъ, они вырыли основаніе, начали строить церковь, но, что успѣютъ выстроить днемъ, рушится вечеромъ. Не знаютъ, какъ быть. Главный мастеръ видитъ сонъ: во снѣ ему является дѣвушка и говоритъ, что, пока они не зароятъ въ основаніе живого человѣка, не быть церкви. Проснувшись, онъ объясняетъ мастерамъ, что св. требуетъ великой жертвы, посылаетъ за своей женой. Только сказалъ, идетъ его жена съ обѣдомъ на головѣ. Заплакалъ главный мастеръ, увидавъ жену, и взялъ и застроилъ ее въ основаніе церкви.

Нѣсколько пѣсенъ касаются отношенія къ самовиламъ, которые изображены какъ существа, опасныя людямъ.

№ 122. Юда самовила, услышавъ игру чобана, на планинѣ, предлагаетъ ему состязанье. Онъ будетъ играть, она будетъ плясать. Если она раньше устанетъ, отдастъ за него свою младшую дочь Маргариту, если онъ, сниметъ съ него голову. Чобанъ игралъ три дня и три ночи, Юда плясала. Она устала раньше. Отдала за него Маргариту. Въ воскресенье сыграли

свадьбу. Спустя девять мѣсяцевъ родился у нихъ сынъ, позвали кума на крестины, назвали мальчика Станко. Послѣ крестинъ сѣли обѣдать. Послѣ обѣда кумъ просить кумушку протанцовать юдинскій танецъ. Она ему говоритъ: милый кумъ, стой, подожди, я дамъ грудь своему ребенку и уложу его въ золотую люльку. Кумъ подождалъ, пока не уснуло дитя. Встала тогда кума Маргарита начала плясать, плясала и бросала доски съ крыши, ушла въ лѣсъ на планину и не вернулась домой. — Молодой Стоянъ пасетъ овецъ на высокомъ холмѣ, у него фесъ надѣтъ на бекрень, завиты въ кудри русые волосы, онъ бросаетъ камень. Услышала это Юда самовила съ высокой зеленой планины, вышла на дорогу и въ тѣсномъ мѣстѣ стала поджидать Стояна. Стоянъ шелъ домой взять хлѣба. Юда его останавливаетъ, спрашиваетъ, откуда онъ и куда идетъ, и объясняетъ ему, что, кто здѣсь проходитъ, тому не вернуться назадъ. Закрутила она Стояна, хочетъ его лишить жизни. Взмолился Стоянъ къ самовилѣ. Говоритъ ей, что у него молодая жена, малыя дѣти, новый домъ. Старая самовила не обращаетъ на это вниманья. Тогда предлагаетъ ей бороться съ нимъ. Если она его поборетъ, его жизнь въ ея рукахъ; если онъ ее поборетъ, пусть она идетъ по добру по здорову. Начали бороться. Юда не выдержала, безъ чувствъ упала на землю и умерла.

№ 197. Проходилъ Марко зеленымъ лѣсомъ, нигдѣ не находить воды. Марко проклиная лѣсъ: засохъ бы ты сверху до низу, повалился бы ты до самага корня, отчего иѣтъ въ тебѣ холодной воды. Лѣсъ отвѣчаетъ: не проклинай меня краля Марко, было у меня 12 источниковъ воды, заперла ихъ Цвета самовила, Юда самовила, твоя посестрима. Тогда Марко подстегнулъ своего быстрого коня и полетѣлъ въ синее небо въ догонку за Юдой самовилой, поймалъ ее въ темныхъ облакахъ, схватилъ за русые волосы и началъ ее бить по плечамъ. Говоритъ ему Юда самовила: побратимъ мой, краля Марко, что я тебѣ сдѣлала, что ты меня бьешь. Марко ей отвѣчаетъ: ты заперла 12 источниковъ воды. Юда отдаетъ спрятанные въ карманахъ ключи. Марко

береть ихъ, идетъ въ зеленый лѣсъ, открываетъ источники. Начали тогда молоть водяныя мельницы.

Всего одна пѣсня принадлежитъ къ числу стиховъ, относящихся къ загробнымъ вѣрованіямъ.

№ 194. На востокѣ, откуда солнце выходитъ, тамъ прекрасно и хорошо, тамъ райскія трапезы, и всѣ святыя божія. Выше всѣхъ св. Николай, съ нимъ рядомъ Пречистая Богородица, на рукахъ держитъ Христа. Показался съ неба облакъ, взялъ оттуда Христа. Пречистая громко заплакала, Святой Николай ее утѣшаетъ: молчи, пречистая, утромъ я пойду къ Богу, помолюсь, чтобы послалъ намъ Христа. И, когда разсвѣло, св. Николай пошелъ къ Богу, низко ему поклонился и говоритъ: милостивый Боже, пусти къ намъ Христа, Пречистая его горько оплакиваетъ. А Богъ ему говоритъ: я взялъ Христа, чтобы онъ устроилъ страшные мосты, чтобы по нимъ проходили грѣшныя души. И когда онѣ шли, три души не могутъ перейти мостъ. Одна брала займы муку, а, возвращая долгъ, смѣшивала ее съ цепломъ; другая ссорилась съ сосѣдями и не давала сосѣдямъ огня; третья чужихъ дѣтей кормила молокомъ, проливала молоко и не давала его дѣтямъ.

Можно указать цѣлый рядъ вариантовъ къ № 19. Замерзло проклятое Черное море, задержало 300 кораблей съ ладономъ и воскомъ. Торговецъ молить Бога, чтобы растаяло Черное море и пропустило корабли. Но море не таетъ. Тогда купецъ обѣщаетъ три корабля съ ладономъ и воскомъ монастырю св. Архангела на святой горѣ. Услышалъ его Господь, растаяло Черное море, пошли 300 кораблей. Купецъ исполнилъ обѣщаніе.

Очень выразительна опять-таки постоянно встрѣчающаяся пѣсня о жестокости неблагодарнаго къ отцу сына, котораго за то постигаетъ отцовское проклятiе.

№ 29. Гдѣ слыхано, гдѣ видано, чтобы сынъ велъ на судъ отца, какъ это было съ молодымъ Стояномъ и его отцомъ. Онъ надѣлъ отцу на ноги оковы, связалъ назадъ ему руки и отвелъ его въ Солунь, и тамъ его осудили. На обратномъ пути онъ повелъ

отца лѣсомъ, гдѣ былъ глубокой колодець, чтобы утопить отца. Отецъ говоритъ сыну: сегодня суббота, завтра воскресенье, мы христіане, отвяжи мнѣ, сынъ, руки, чтобы я могъ раза два три перекреститься, помолиться Господу Богу, пусть пошлетъ тебѣ разумъ не поступать такъ со мной. Сынъ подошелъ и еще крѣпче завязалъ отцу руки. Отецъ проливалъ слезы и горько проклиналъ сына: Богъ тебя накажетъ, не будетъ тебѣ счастья, не будешь ты сытъ хлѣбомъ, какъ безумный будешь ходить, держа хлѣбъ въ рукѣ, и не съумѣешь его съѣсть, пойдешь въ церковь и не съумѣешь сотворить креста; двое твоихъ дѣтей будутъ слѣпы и нѣмы. Господь услышитъ эти проклятыя, эти слезныя жалобы. Осѣдлалъ Стоянтъ коня и пріѣхалъ домой. На дворѣ застаютъ жену, она ходитъ и плачетъ, ломаетъ руки и горько прокликаетъ Стояна. Господь да смирится надъ тобой, вернись назадъ, что ты дѣлаешь съ отцомъ, вѣдь твои дѣти увѣчные и слѣпые, какъ намъ ихъ воспитывать. Стоянтъ вернулся къ отцу, издалека ему поклонился, вблизи молилъ его о прощеньи. Отецъ остается неумолимъ: не вернуть проклятыя, да будетъ, что сказалъ.

Двѣ пѣсни о ссорѣ братьевъ изъ за наслѣдства — мотивъ, знакомый и по прежнимъ сборникамъ.

№ 2. Два брата Павелъ и Гюро очень любили другъ друга, лежали на одной постелѣ, пскрывались однимъ одѣяломъ. Отецъ оставилъ имъ большое наслѣдство: овецъ, воловъ, безъ счету денегъ. Все они подѣлили. Остались только два сокола, изъ за которыхъ они поссорились. Всталъ разъ Павелъ рано въ субботу, собрался на охоту, взявъ съ собой двухъ соколовъ и пошелъ на охоту наканунѣ воскресенья. Выходя изъ воротъ, крикнулъ своей женѣ Ангелипѣ, чтобы она заколола ягненка, испекла его въ печкѣ, и положила въ него яду, чтобы налила чашу вина, а въ нее полила отравы, чтобы угостила брата и отравила, чтобы не было его въ живыхъ, когда онъ вернется домой, иначе грозитъ женѣ отсѣчь голову. Ангелипа была умна и не исполнила приказаніе мужа. Она одѣла брата въ саванъ и оставила живымъ, чтобы увидѣть, что надумаетъ мужъ, когда вернется домой, а сама съѣла

въ головахъ брата и плачетъ. На охотѣ Павелъ пустилъ своего сокола поймать летавшаго высоко соколенка. Соколъ взлетѣлъ, быются и не опускаются внизъ. Павелъ пустилъ другого. Тогда два сокола вмѣстѣ припесли Павлу соколенка. Соколенокъ говоритъ ему: если бы живъ былъ мой братъ, не одолѣть бы меня твоимъ соколамъ. Павелъ сейчасъ же вернулся домой. Застаетъ брата въ саванѣ и жену надъ нимъ въ слезахъ. Онъ вынулъ саблю, чтобы себя убить. Но Ангелина удержала его, обнадеживъ, что быть можетъ Богъ подыметъ брата. Павелъ общается женѣ большой подарокъ, если такъ будетъ, идетъ къ брату, беретъ его за правую руку, и братъ встаетъ на ноги. Братья обнялись и любили другъ друга, какъ и прежде, на одной постелѣ лежали, однимъ одѣяломъ одѣвались. Подъ № 24 есть еще пѣсня на ту же тему. Различіе только въ томъ, что отъ отца остаются братьямъ 12 гончихъ и борзыхъ собакъ, которыхъ они не могутъ подѣлать, а на охотѣ женатый братъ поймалъ только одну птицу, которая оплакивала застрѣленного наканунѣ охотниками ея брата. Тропутьи братскимъ чувствомъ птицы, старшій братъ сейчасъ же ѣдетъ домой, въ надеждѣ застать брата живымъ.

Варианты смотри у Шапкарева № 564, отд. IV, кн. V, стр. 68 и указанные тамъ №№ изъ другихъ сборниковъ, а также № 1263, отд. III, кн. IV, стр. 356.

Тяжкая болѣзнь постигаетъ человѣка за какой либо страшный грѣхъ. Въ пѣснѣ обычно мать вызываетъ къ сыну съ просьбой покаяться въ такомъ грѣхѣ.

№ 95. Илья удалой молодецъ слышитъ, на горѣ зеленой поетъ птичка; кто ее слышитъ, заболѣваетъ, кто на два дня, кто на три дня. Илья лежалъ три года, сгноилъ три постели, три подушки. Надоѣло матери подымать его и переворачивать, опоясывать и распоясывать. Мать проситъ сына, чтобы онъ покаялся въ совершенномъ имъ грѣхѣ. Илья рассказываетъ, что въ молодые годы ходилъ онъ гайдукомъ въ зеленомъ лѣсу. Разъ, это было въ пасху, въ полѣ вблизи церкви нашли они два гроба. Никто не рѣшался ихъ разрыть. А онъ это сдѣлалъ. Въ одномъ гробѣ

была молодая женщина, въ другомъ прекрасная дѣвушка. Я ихъ обнялъ и поцѣловалъ. Мать говорить ему. Женщина была твоя сноха, дѣвушка твоя сестра. Мать прокляла сына.

№ 72. Чавдаръ лежитъ больной тому три года съ половиной, не умираетъ и не выздоравливаетъ, сгноилъ три постели и три подушки. Мать спрашиваетъ, какой грѣхъ онъ сдѣлалъ. Чавдаръ рассказываетъ, что, когда былъ молодъ, ходилъ гайдукомъ вмѣстѣ съ 300 юпаковъ. Всѣ были похожи одинъ на другого, словно дѣти одной матери. Распустивъ зеленое знамя, подпоявъ на плечи тонкія ружья, подпоясавъ острия сабли, пошли мы въ зеленый лѣсъ, къ холодному источнику. Проходили тамъ молодые, ходили они въ гости къ тестю и тещѣ, мы ихъ схватили и привязали мужа къ зеленому дубу, жену къ зеленому явору, собрали сухихъ дровъ, развели сильный огонь и сожгли ихъ на огнѣ.

Страшныя бѣдствія, причиняемыя моровыми повѣтріями, нашли отраженіе въ народной поэзіи въ цѣломъ рядѣ пѣсень, сюжетомъ которыхъ является свирѣпствующая чума.

№ 124. Карафила зоветъ мать бѣжать отъ свирѣпствующей чумы. Кто ляжетъ вечеромъ, не встанетъ утромъ. Она держитъ въ рукахъ длинный фирманъ, какъ острую огненную саблю. Мать удерживаетъ дочь, говоря, что чума ее не тронетъ: она знаетъ, что ты единственная дочь у матери. Не успѣла мать это сказать, чума поразила Карафилу въ око. Дочь горько жалуется, что мать ее не послушала, теперь я уже не увижу тебя своими очами, умру въ цвѣтѣ молодости, не нагулявшись, не порядившись.

№ 137. Въ Боспѣ Царьградѣ свирѣпствуетъ чума. У одной влахипи въ одинъ день умерло три сына, три снохи и три внука. Она осталась одна, войдетъ въ домъ, ломаетъ руки, выйдетъ на дворъ, проливаетъ слезы, плачетъ и громкимъ голосомъ взываетъ къ Богу. И вотъ пробудился одинъ внукъ и говорить: милая бабушка, иди на кладбище и копай девять могилокъ, возьми мраморную колесницу, положи на нее трехъ сыновей, трехъ снохъ и трехъ внуковъ, зарой ихъ и перестань плакать.

Неплодіе, приносящее неудовлетвореніе семейной жизни, не

рѣдко служить сюжетомъ пѣсни. Въ одной жена, которую покладаетъ мужъ, дѣлается беременной.

№ 126. Мать говорила Янѣ. Яна, бѣлая Яна, вырастешь ты, и мать тебя выдастъ за бѣднаго Стояна, оба бѣдняки, вы наживете домъ, накопите имѣнья, но будете плакать, не имѣя дѣтей. Мужъ спрашиваетъ Яну, неплодную молодую жену, отчего это съ ней. Яна повторяетъ проклятыя матери. Стоянь тогда объявляетъ, что пойдетъ искать себѣ молодую жену. Яна упрекаетъ за это Стояна, и, прощая его сама, говоритъ, что Богъ не проститъ его за это; а обращаясь къ золовкѣ, зоветъ ее въ поле набрать метлы, мести дворъ, въ ожиданьи молодой невѣсты. И пошли они въ широкое поле, на самый берегъ Чернаго моря. И какъ только тамъ услыхала бѣлая Яна, что камень заигралъ, рыба запѣла, она забеременѣла.

Въ другой пѣснѣ мужъ объясняетъ неплодіе жены материнскимъ проклятіемъ. Стоянь и Яна были бѣдны. Не было у нихъ дома, Богъ имъ далъ домъ; не было у нихъ имѣнья, они нажили имѣнье. Есть у нихъ домъ, есть у нихъ имѣнье, по нѣтъ чада. Мужъ посылаетъ жену на рынокъ, пусть золотыхъ дѣлъ мастеръ сольетъ ей мальчика. Взяла Яна серебра, пошла на рынокъ, мастеръ въ три дня и три ночи слилъ ей мальчика. Принесла она домой, положила передъ мужемъ, но дитя не говоритъ. Стоянь приписываетъ неплодіе жены проклятью матери.

Семейныя нелады съ роковымъ для матери исходомъ, изображены въ пѣснѣ № 108.

№ 108. Стоянь, возвращаясь съ прогулки по планинѣ Ветренъ приходитъ къ воротамъ своего дома. На его зовъ отворяетъ ему старая мать. Когда онъ спрашиваетъ, отчего не вышла отворить ворота жена его Бояна, мать говоритъ, что она всю ночь плясала съ его побратимами, и теперь спитъ. Стоянь вынулъ острый ножъ и закололъ Бояну. Пробудившаяся Бояна объясняетъ мужу, что она ждала его всю ночь, пряла пряжу. Стоянь кончаетъ и съ собой тѣмъ же пожемъ. А матери говорить: до сихъ поръ у тебя, матушка, было двое молодыхъ, от-

вышѣ у тебя два гроба. Смотри и плачь, какъ будетъ плакать и твоя сватья.

Испытаніе вѣрности жены дало сюжетъ интересной пѣснѣ.

№ 40. Георгій пашетъ ниву, поетъ пѣсни и благодаритъ отца, который оставилъ ему большую ниву въ триста «погоновъ» (земельная мѣра), пару воловъ, виноградникъ въ семь погоновъ. А мать поминаетъ, что нашла ему молодую жену, такую умницу, что никто ее не обманетъ. Слышалъ пѣсню проѣзжавшій мимо съ мулами золотыхъ дѣлъ мастеръ и говоритъ ему: что расхваливаешь свою жену, если я не сумѣю ее обмануть, отдамъ тебѣ три мула. А Георгій обѣщаетъ, если это ему удастся, отдать свою жену съ сыномъ. Поѣхалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ къ воротамъ Георгія, кликнулъ его жену и, когда она вышла, говоритъ ей: Георгія, когда онъ пахалъ, ужалила змѣя, онъ меня послалъ къ тебѣ за травой отъ укуса змѣи. Жена Георгія прогоняетъ золотыхъ дѣлъ мастера. У мужа есть эта трава. Пошелъ назадъ молодой золотыхъ дѣлъ мастеръ, но съ дороги вернулся и говоритъ: у Георгія, когда онъ пахалъ, палъ волъ, онъ меня послалъ къ тебѣ за поземъ, чтобы содрать съ вола кожу. И на этотъ разъ жена Георгія гонитъ золотыхъ дѣлъ мастера. Она дала мужу пожъ, и онъ заткнулъ его за поясъ. Пронгралъ паря золотыхъ дѣлъ мастеръ, и достались Георгію три мула, павьюченные казной.

№ 191. Есть двѣ пѣсни о любви между близкими родными, а именно двоюродными братомъ и сестрой. Любовь оправдывается тѣмъ, что красота дѣвушки заставляетъ забыть о родствѣ: прекрасная дѣвушка безъ роду, широкое поле не обойдешь, мелкіе камни безъ счету, глубокое море бездопно. Пѣсенъ на эту тему очень много во всѣхъ сборникахъ.

Бракъ между болѣе близкими родными, а именно между братомъ и сестрой, не можетъ состояться. Нѣмѣютъ попы, слѣшпуть чтецы, и голосъ прилетающей птички объясняетъ, отчего зависитъ препятствіе.

№ 84. Прославилась Димковица, что родила девять мальчи-

ковъ и дѣвушку, а десятого мальчика взяла подъ мышки и понесла на бѣлый Дунай. Съ словами: бѣлый Дунай вырастетъ это дитя, бросила его въ бѣлый Дунай. Вернулась она домой, а на Дунай пришелъ юнакъ Янкулъ. Нашелъ тамъ плачущаго мальчика, взялъ его и припесъ къ себѣ домой. Выросъ мальчикъ, сталъ настоящимъ юнакомъ и грамотнымъ человѣкомъ. Пришло время жепитьбы. Онъ посватался къ дочери Димковицы. Ее за него отдали. Насталъ день свадьбы. Ударили барабаны, заиграли свирѣли, невѣсту взяли и отвели въ домъ Янкула. Позвали поповъ вѣнчать молодыхъ, но попы онѣмѣли, грамматики ослѣпли. Откуда ни возьмись прилетѣла золотая птичка, сѣла на домъ Янкула и запѣла прекрасную пѣсню, она въ пѣснѣ говорила: Гдѣ слыхано, гдѣ видапно, чтобы братъ и сестра вѣнчались? Догадались тогда, въ чемъ дѣло, разлучили брата и сестру. И проговорили попы, стали видѣть грамматики.

Въ № 96 сама природа протестуетъ противъ брака брата съ сестрой. Этимъ пѣсня отличается отъ сербскаго варіанта, въ которомъ сестра убиваетъ брата, и мать одобряетъ вызванное необходимостью защитить честь рода ея рѣшеніе. Вукъ Кариджичъ Герцеговинскія пѣсни стр. 62—64.

№ 96. Стояць въ большемъ селѣ, гдѣ много прекрасныхъ дѣвушекъ, полюбилъ свою сестру. Сестра зоветъ брата въ церковь. Только они вошли въ ворота, грамматики онѣмѣли, попы ослѣпли. Сестра зоветъ брата въ лѣсъ умереть вмѣстѣ. Пошли они въ зеленый лѣсъ, онъ тотчасъ же посохъ. Не принялъ насъ лѣсъ, говоритъ сестра, пойдемъ въ поле. Пошли въ поле; высохло поле, увяли посѣвы. Поле не приняло, пойдемъ на берегъ озера. Пришли къ берегу, и озеро тотчасъ же высохло. Пойдемъ на море. Подошли къ берегу моря, Кирана всплеснула руками и бросилась въ море. Горько стало Стояцу, онъ началъ плакать; всплеснулъ руками и бросился въ море, но и море не приняло брата съ сестрой, выбросило ихъ на сухую землю. Земля разверзлась и поглотила ихъ обоихъ.

Два двоюродныхъ брата Стефанъ и Янкулъ полюбили одну

дѣвушку. Оба сразу стали къ ней свататься. Обои́мъ обѣщали дать дѣвушку. Приближается время свадьбы. Оба созываютъ сватовъ и кумовъ и наряженные съ музыкой идутъ за невѣстой, одинъ по сушу, другой моремъ. Кто придетъ первымъ, того и будетъ невѣста. Янкулъ, выбравшій морской путь, пришелъ ранѣе, взялъ невѣсту и увелъ домой, призвалъ 3-хъ поповъ на вѣнчанье. Приходить за нимъ и Стефанъ и отъ старика отца невѣсты, еще не доходя села, узнаетъ, что опоздалъ.

Въ № 117 тотъ же сюжетъ въ иной обработкѣ. Отецъ невѣсты желаетъ, чтобы дочь его отказала Янкулу, приняла предложеніе Стефана. Пришелъ Стефанъ, Тодорка даже и не вышла къ нему, пришелъ Янкулъ, она ему поклонилась. Отецъ говоритъ дочери: Тодора, милая дочь, лучше бы тебя не имѣть, чѣмъ дожидаться отъ тебя такого срама.

Варианты на этотъ сюжетъ съ значительными отличіями отъ приведенныхъ двухъ пѣсенъ можно указать въ сборникѣ Милединова № 520, Шалкарева № 498.

Часто повторяется пѣсня о разлукѣ матери съ дочерью, которая выдается замужъ въ далекую сторону.

№ 32. Счастливая мать родила восемь сыновей и одну дочь. Была она очень хороша и умна. Сваталась къ ней въ селѣ семь жениховъ и богатые и бѣдные. Пришли къ ней сваты и изъ далекой стороны. Младшій братъ Никола совѣтуетъ матери отдать сестру на дальнюю сторону. Мы будемъ ходить къ ней въ гости восемь братьевъ съ восемью снохами и съ десятью внуками; люди будутъ намъ дивиться и скажутъ: счастье матери, что родила восемь сыновей, и всѣ у ней живы. Мать сдѣлала, какъ совѣтовалъ сынъ. Но вотъ вдругъ появилась страшная чума. Умерли отъ нея восемь сыновей и восемь снохъ и десять внуковъ. Всѣхъ ихъ похоронили, и осталась мать одиношенька, ходитъ на могилки, творитъ возліянья. Надъ гробомъ Николы много плакала и люто его проклинала за данный совѣтъ. Очень тяжело было Николѣ слышать проклятья, и помолился онъ Богу: пусти меня, Боже, къ сестрѣ, я ее приведу, пусть увидитъ ее

мать. Господь внялъ мольбѣ. Никола ожилъ, и Богъ послалъ его къ сестрѣ. Пришелъ Никола въ село, гдѣ она жила, и засталъ ее у колодца, она брала воду. Издалека она привѣтствовала брата: Добро пожаловать, братъ мой Никола, отчего ты пришелъ одинъ, не взялъ жены. Пойдемъ къ намъ. А онъ ей говоритъ. Не могу я зайти, я очень тороплюсь, разболѣлась наша мать, очень ей плохо, сильно тоскуетъ она по тебѣ, желаетъ тебя видѣть; я и пришелъ за тобой. Сестра отвѣчаетъ, что ей по крайней мѣрѣ надо пойти домой, получить позволеніе отъ тестя и мужа и отъ свекрови. Ушла и получила позволеніе. Пошли съ братомъ, пришли въ село на кладбище. Сестра видитъ много свѣжихъ могилъ спрашиваетъ брата: кто у насъ умеръ, столько могилъ на нашемъ мѣстѣ. Братъ говоритъ: пришли въ село чужіе люди, никто не давалъ имъ мѣста, мы дали свое. И говоритъ сестрѣ: ступай домой, а я останусь здѣсь не надолго. И пошла Фикія, въ воротахъ крикнула. Мать ее услышала, выбѣжала на дворъ: бросились другъ дружкѣ въ объятія и горько заплакали и тутъ же обратились въ мраморъ.

№ 116. Пришли сваты изъ Царьграда сватать Авдотью. Мать не даетъ дочь, боится, что въ случаѣ болѣзни некому будетъ за ней ухаживать, о ней позаботиться. Уговариваетъ отдать сестру братъ Константинъ, утѣшаетъ мать тѣмъ, что, породнившись, можно будетъ бывать въ гостяхъ въ Царьградѣ. Отдала мать Авдотью. Прошли два три дня, и появилась тяжкая болѣзнь, страшная чума, свалила и старыхъ и малыхъ, умеръ отъ чумы и Константинъ. Мать осталась одна въ большомъ хоромѣ. Проклинаетъ сына, что посоветовалъ отдать сестру въ дальнюю сторону въ Царьградъ. Услышалъ ея проклятья ангелъ Божій, пошелъ къ Богу и говоритъ, что не можетъ дольше терпѣть, слыша страшныя проклятья матери. Богъ посылаетъ ангела разрыть могилу Константина, оживить его, изъ досокъ гроба сдѣлать ему коня, и пусть онъ идетъ за сестрой, приведетъ ее къ матери. Пошелъ ангелъ и во второй день пасхи далъ душу Константину. Константинъ сѣлъ верхомъ

на коня, поѣхалъ въ Царьградъ. Тамъ засталъ хороводъ. Авдотья въ немъ плясала. Увидавъ брата, она вышла и поцѣловала ему правую руку. Братъ говоритъ сестрѣ, что мать очень желаетъ ее видѣть. Сестра спрашиваетъ, не больна ли мать. Братъ отвѣчаетъ, что не больна, такъ желаетъ ее видѣть. На дорогѣ сестра спрашиваетъ брата, отчего отъ него пахнетъ плесенью. Братъ отвѣчаетъ, что, когда онъ шелъ, ему захотѣлось пить воды, но онъ не могъ найти воды, и оттого такой запахъ отъ его устъ. Придя въ село, братъ оставляетъ сестру, чтобы вернуться къ себѣ. Сестра пошла къ воротамъ одна и крикнула. Пришла къ ней мать, отворила ворота. Какъ увидала Авдотью, обнялись обѣ и тутъ же окаменѣли.

Значительное число пѣсень относится къ разряду такъ называемыхъ любовныхъ, о содержаніи которыхъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ.

№ 89. Яна, бѣлая Яна, вставши рано въ воскресенье, вымела дворъ своего дома, все убрала и ушла на бѣлый Дунай. Спрашиваетъ, сколько судовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пѣтухи пропѣли. Получаетъ въ отвѣтъ 300 однихъ, да за ними 300 другихъ. Спрашиваетъ, прошелъ ли ея милый. Онъ прошелъ впереди другихъ, несъ синее зеленое знамя. За нимъ шло сильное войско. Когда хотѣлъ вернуться? Когда высохнетъ море, увянетъ трава.

№ 171. Что Божена ты моешь бѣлое платье, а носишь черное? Мать или отца оплакиваешь? братьевъ или сестру? Не оплакиваю я, Стоянъ, ни мать, ни отца, ни братьевъ, ни сестру, а жалѣю, что не сказалъ ты мнѣ три дня напередъ, чтобы я кроила одежду сеймена. И я бы пошла сейменомъ за тобой, днемъ бы ходила сейменомъ, ночью была тебѣ женой. Мужъ напоминаетъ женѣ, что товарищи узнали бы, что она женщина, по русымъ волосамъ, бѣлымъ грудямъ, бѣлымъ ногамъ. Жена отвѣчаетъ: на русыхъ волосахъ красный фесъ, на бѣлыхъ грудяхъ красный джамаданъ, на бѣлыхъ ногахъ сейменскіе башмаки.

№ 63. Стоянъ полюбилъ прекрасную дѣвушку Елену. По-

сватался къ ней, но Елена не хочетъ за него идти. Мать совѣтуетъ сыну притвориться мертвымъ. Стоянъ это сдѣлалъ, она позвала 9 поповъ и 9 грамматиковъ на похороны. Всѣ идутъ прощаться, не достаетъ только Елены. Она пошла къ станку отрѣзать кусокъ полотна, вошла въ садъ нарвать желтыхъ цвѣтовъ. Идетъ съ сверткомъ полотна на головѣ, съ цвѣтами въ рукахъ, подошла къ Стояну и наклонилась съ нимъ проститься. Стоянъ очнулся, развелъ руками и обнялъ прекрасную дѣвушку. Она обернулась къ попамъ и граматикамъ и говорить имъ: не нужно теперь печальнаго пѣнья, пойте радостно, вѣнчайте Стояна съ прекрасной Еленой.

№ 166. Стоянъ обѣщаетъ взять за себя изъ трехъ дѣвушекъ, между которыми одна гречанка, другая влахиня и третья болгарка, ту, которая перенесетъ его черезъ Дунай. Это смогла сдѣлать только болгарка. Вариантъ къ № 465 Миладинова.

№ 9. Ходитъ Калуда по городу Солуню, по солунскимъ торговымъ рядамъ, по еврейскимъ улицамъ. Вышла къ ней дѣвушка еврейка, спрашиваетъ, что заставило ее здѣсь гулять. У Калуды брата Стояна обвиняютъ турки, что онъ оскорбилъ турчанку. Его схватили проклятые турки, бросили въ тюрьму, надѣли ему на шею и на ноги тяжкія цѣпи, требуютъ съ него большой штрафъ въ 530 грошей. А у Калуды нѣтъ ни гроша. Еврейка обѣщаетъ заплатить за Стояна, если онъ приметъ еврейскую вѣру, но Стоянъ предпочитаетъ умереть христіаниномъ. Наоборотъ онъ предлагаетъ сдѣлаться христіанкой дѣвушкѣ еврейкѣ, обѣщая взять ее себѣ хозяйкой. Еврейка согласилась, ее крестили, назвали Еленой, и она повѣнчалась съ Стояномъ.

№ 57. Янка, бѣлая Янка, что ты такъ нарядилась? Или ты недавно вышла за мужъ, или вчера помолвлена? Янка отвѣчаетъ, что она помолвлена. На вопросъ, какіе принесли ей подарки, отвѣчаетъ: пять подарковъ на пять сотенъ. Юнакъ говоритъ на это, что далъ бы подарковъ на шесть тысячъ. Яна въ отвѣтъ: А гдѣ ты былъ раньше? Янку мать однажды родила, однажды ее сговорила, однажды она выйдетъ замужъ, однажды умереть.

№ 169. У меня русые волосы, некому ихъ заплести; небольшая головка, некому надѣть фесъ; прямой лобъ, некому украсить его золотыми монетами; бѣлое лицо, некому его цѣловать; бѣлая шея, некому надѣть на нее ожерелье; тонкіе пальцы, некому надѣть на нихъ кольцо; гибкое тѣло, некому его обнять; талья, какъ перстень, некому ее опоясать; бѣлыя ноги, некому на нихъ надѣть чулки. А юнакъ говорить: что сама себя хвалишь, русая дѣвушка. Русая дѣвушка не высоко цѣнится.

№ 88. Юрдана сводить съ ума своей красотой и чистотой все село. Изъ за нея каждый годъ проливается кровь. По просьбѣ Юрданы отецъ отводитъ ее къ теткѣ въ Солунь. Пришли къ дому тетки и постучались у воротъ. Когда тетка узнала, что это Юрдана, не хочетъ ее принять. «Для тебя нѣтъ села, нѣтъ дома». По всѣмъ корчмамъ, гдѣ собираются молодые люди, юнаки только о тебѣ и говорятъ. Юрдана проситъ тогда отца отвести ее на Дунай. Придя на берегъ, она всплеснула руками и говоритъ Дунаю: Дунай, братъ Дунай, для тебя меня мать родила, для тебя меня вырастила. Бросилась въ бѣлый Дунай и утонула.

Три пѣсни касаются монашеской жизни. Въ первой изъ нихъ приводится мысль, что только тяжкое несчастье, постигающее человѣка, можетъ заставить его искать утѣшенія въ монастырской обители.

№ 180. Ката монашенка, давно ли ты монашенкой. Люди сельскіе, недавно я постриглась монашенкой съ тѣхъ поръ, какъ черная чума свирѣпствовала въ нашемъ селѣ. Она отняла у меня отца, милую мать, дорогихъ братьевъ, всѣхъ моихъ родныхъ. Съ тѣхъ поръ почернѣли мои очи, я пошла въ монастырь и надѣла на себя черную рясу.

Вторая и третья обличаютъ распущенность монаховъ.

№ 42. Проданъ собирается съ молодой женой Ангелиной идти къ тестю. Наказываетъ женѣ замѣсить тѣсто, испечь два хлѣба, наполнить виномъ двѣ чаши, зажарить двѣ курицы, а самъ опъ осѣдлаетъ двухъ черныхъ коней. Собрались и отправились послѣ захода солнца. Когда они проѣзжали мимо Кошиницы, у

монастыря ихъ встрѣтилъ монахъ и позвалъ переночевать въ монастырь, чтобы не ѣхать въ почное время. Проданъ согласился. А старый монахъ взялъ его въ свою келью, угостилъ водкой, и Проданъ, напившись, уснулъ, а монахъ легъ съ его молодой женой.

№ 25. Взмущивалось море, волны заливаютъ святогорскіе монастыри. Бѣдствіе объясняется тѣмъ, что Фидапа пляшетъ въ кельѣ съ старымъ монахомъ. Ихъ выгнали, и утихъ вѣтеръ, море вошло въ свои берега.

Мы исчерпали весь пѣсенный матеріалъ сборника Верковича, остановившись на болѣе интересныхъ пѣсняхъ. Какъ можно было видѣть, въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ въ немъ дѣло съ вариантами уже извѣстныхъ пѣсенъ. Сличеніе сборниковъ въ этомъ отношеніи выясняетъ преобладающій пѣсенный запасъ. Въ пародной поэзіи есть рядъ любимыхъ мотивовъ и положеній, которые повторяются, варьируясь, въ примѣненіи къ разнымъ лицамъ, и получая тотъ или другой мѣстный оттѣнокъ, въ зависимости отъ той мѣстной среды, въ которой записаны тѣ или другія пѣсни. Однако и въ этомъ отношеніи, какъ можно было видѣть, сборникъ Верковича даетъ иногда весьма рѣдкіе варианты.

Что касается красоты формы, то пѣсни, записанныя въ македонскихъ краяхъ, въ общемъ уступаютъ сербскимъ, которымъ, судя по сравненію ихъ съ болгарскими, принадлежитъ несомнѣнно пальма первенства въ юго-славянской пародной поэзіи. Но, какъ можно видѣть даже и въ прозаическомъ пересказѣ, въ сборникѣ Верковича есть отдѣльные №№ и въ этомъ отношеніи выдающагося достоинства.

Академическій сборникъ безспорно составляетъ заслугу Верковича, собравшаго важный пѣсенный и сказочный матеріалъ. Опубликованный въ свое время онъ получилъ бы выдающійся интересъ, но и теперь вполне сохраняется его значеніе, какъ одной изъ старшихъ записей.

П. Лавровъ.